

Колдовские

Миры

КОЛЕЧКО ВЗБАЛМОШНОЙ БОГИНИ

ДОРОГА ДОМОЙ

АЛЕКСАНДРА ЧЕРЧЕНЬ
ОЛЬГА КАНДЕЛА

Annotation

Солнышко светит, птички поют, а события ускоряют свой бег. Люба и Стаська не унывают несмотря на все испытания, что встречаются на пути, и с легкостью справляются с кознями коварного сида, который следует за сестрами буквально по пятам. Но у них есть отвага, оптимизм, истинно женское любопытство и замечательный защитник — наследник рода Стальных фениксов. Позади уже многое, а впереди еще больше! Таинственный древний лес, город гремлинов, магическая полоса невезения, змеиные казематы и, наконец, капище богини Земляны. Сколько прошли девушки, чтобы вернуться домой! Но... что делать, когда в чужом мире тебя удерживает любовь?

Александра Черчень

Колечко взбалмошной богини. Дорога домой

© Кандела О., Черчень А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Вещмешок

Я лежала на пригорке, широко раскинув руки в стороны, и подставляла лицо лучам восходящего солнца. Рядом на травке блаженно развалилась Стаська, так же, как и я, щуря не привыкшие к свету глаза.

Все же после подземелья даже тусклый дневной свет казался чересчур резким, а потому веки сами собой слипались, прямо-таки подначивая немного вздремнуть.

— И долго вы еще валяться будете? — раздался недовольный мужской голос откуда-то сбоку, но и это не заставило нас открыть глаза.

— Отстань, дай погреться, — словно от назойливой мухи отмахнулась я от Фауста.

— Если двигаться, согреется быстрее.

— А мы не хотим двигаться, мы отдохнуть хотим, — упрямо заявила сестричка и перевернулась набок.

Тут я со Стаськой была солидарна. Дорога по тайному ходу заняла почти сутки, и все это время мы неустанно двигались вперед, петляя по мрачному коридору, перебираясь через встающие на пути обвалы и огибая полные ледяной воды лужи. Останавливаться на отдых феникс нам практически не давал, обосновывая это тем, что мы и так плетёмся со скоростью черепахи.

Нет, ну а чего он от нас хотел? Это он был одет в удобные брюки, на нас же с сестричкой были длинные в пол платья, которые постоянно приходилось придерживать. Я даже была готова оторвать подол, чтобы не мешался, да только бегать с голыми ногами по холоду было бы совсем не разумно.

То, как мы ночевали в подземелье, — отдельная история.

Одеяло, расстеленное на сырой холодной земле. Мы со Стаськой, жмущиеся друг к другу в попытке сохранить тепло. И Фауст, лежащий вроде и рядом, но при этом не касающийся меня ни единым сантиметром тела. И ведь он наверняка был теплым и согреть мог, но даже не дотронулся, зараза белобрысая. А когда я осмелилась сама к нему прижаться, лишь шикнул на меня и сказал, чтобы не ерзала. Ну, хоть камзолом своим дал укрыться, и на том спасибо.

В общем, поспали мы от силы часа два, и то одним глазом. И когда проснулись, отдохнувшими себя не чувствовали, да и скудный завтрак из сухарей и вяленого мяса сил особо не прибавил. Так что остаток пути мы плелись еще медленнее, чем до этого. Настроение наше упало ниже плинтуса. Все же Фауст всерьез меня обидел. Своей холодностью, отстранённостью и отсутствием всякого желания хоть как-то скрасить наше пребывание в подземелье. Ледышка черствая!

— А есть вы тоже не хотите? — провокационно поинтересовался Фауст, и на сей раз его довод оказался достаточно убедительным, чтобы шевельнуться и приоткрыть один глаз.

— А у нас есть что покушать? — поинтересовалась я, а желудок, поддерживая эту идею, призывно заурчал.

Наши скудные запасы, кажется, закончились как раз за завтраком. И мне было крайне любопытно, о какой еде говорит феникс.

— Пока нет. Но если спуститься с пригорка, окажемся как раз в саду. Думаю, там есть

чем поживиться.

Вот на это заявление Стаська отреагировала весьма бурно.

— Правда? — воскликнула сестра и мгновенно села на земле, а после и вовсе подскочила с прытью бодрой козочки.

Я последовала ее примеру, и хоть ноги совершенно не желали слушаться, послушно поплелась вслед за спутниками.

Пригорок оказался довольно крутым, и потому спускаться пришлось осторожно. Под ноги то и дело попадались камни, и ступни в балетках так и норовили с них соскользнуть.

— Твою ж... маковку, — выругалась я, наступив на очередной камушек. И ведь прячутся же, негодники, как раз в траве... Не видно совсем.

— Аккуратнее, — тут же услышала от идущего впереди Фауста. — Так недолго и ногу подвернуть. Как дальше идти будешь? На костылях? — привычно съязвил мужчина.

— Еще чего! — фыркнула я. — На руках понесешь! — смело заявила я в лицо блондину и, зацепившись подолом за какой-то колючий кустик, с остервенением рванула ткань.

Не помогло. Дернула еще раз, теперь уже сильнее. Платье отцепилось от куста, а меня здорово качнуло. Лишь в последний момент успела вернуть равновесие и удержаться от падения. А так лететь бы мне кубарем с этого пригорочка.

— Горе ты мое... — тяжело вздохнул феникс и пошел в обратную сторону, явно намереваясь помочь. Ага, видимо, перспектива тащить меня на себе его не особо вдохновила. — Даже Стаська и то сама справилась, а ты с колечком — и не можешь! — поставил мне в вину Фауст.

— У Стаськи сандалии удобные. А у меня не обувь, а черт знает что! — оправдалась перед блондином и ухватила за услужливо подставленный локоть. Обида обидой, но отказываться от поддержки глупо.

В итоге спустилась я без травм, и даже Фауст сдержался и ни разу не обозвал меня коровой или еще кем-нибудь обидным. Вот никак не пойму, что с ним за фигня творится? То язвит по поводу и без, то строит из себя идеал галантности и доброжелательности. Из крайности в крайность.

В общем, как и обещал блондин, спустившись с пригорка, мы оказались в саду. Яблонево. Ровные ряды посадок, тоненькие гибкие стволы и раскидистые кроны с наливающимися соком краснобокими плодами. И все было бы хорошо, если бы вожаемые плоды не висели так высоко. Нижние ветки были то ли обобраны, то ли попросту не плодоносили. А до верхних фиг дотянешься. Хотя... Кое-кто ведь летать умеет.

— Фаааауст, — просяще глянула на феникса, явно намекая на то, что тут требуется его участие.

— Дааа? — игриво протянул блондин, явно не собираясь кидаться на помощь.

— Яблоко достань! — рявкнула, не сдержавшись.

— С удовольствием! — во все тридцать два зуба улыбнулся этот пакостник и, вместо того чтобы подняться к верхушке дерева, с силой ударил ногой по стволу.

Пришлось срочно прикрыть голову руками, потому что сверху прямо-таки целый яблоневый град посыпался. Но избежать повторения судьбы Ньютона, к сожалению, не удалось. Одно яблочко таки съездило мне по лбу, и в этот самый момент в голову пришла гениальная мысль, как бы поизвращеннее убить одного блондинистого пакостника.

— Прибью! — зашипела я на Фауста, потирая ушибленное место.

— Что, сильно больно? — притворно удивился этот засранец и даже с места не

двинулся, когда я бросилась к нему и со злости стукнула кулаком по плечу.

Правда, второй раз он себя ударить не дал. Перехватил руку и с силой сжал запястье. Я не растерялась и пнула его ногой по коленке.

— Да прекрати драться! — взвыл мужчина, мгновенно ослабив хват и согнувшись к ушибленному колену. Кажется, как раз по коленной чашечке попала. Ну, пусть скажет спасибо, что не между ног целилась. — Я же не специально...

— Думать надо!

— Так ты ж яблок просила.

— Так я думала, ты за ними слетаешь. А ты... Одним словом — дебил! — сгоряча окрестила феникса.

— Это я-то дебил? — возмутился Фауст, и колено у него болеть сразу перестало.

— Уммм, сладенькие! — нам на зависть протянула Стаська, вгрызаясь в наливной бочок. — Да вы не отвлекайтесь, не отвлекайтесь. Мне больше достанется.

Перемирие между мной и пернатым было достигнуто мгновенно. Зов живота попросту оказался сильнее. Да и сестрица так аппетитно хрустела, что я плюнула на разборки с Фаустом и схватила с земли первое попавшееся яблоко. Отерла его рукавом и вонзила зубы в сочную мякоть. И правда, сладкое, спелое. Совсем голод, конечно, не утолит, но хотя бы приглушит.

— Вооот вы где! А я думаю, куда запропастились, — вдруг раздалось жизнерадостное, и мы синхронно обернулись, чтобы узреть спускающегося с пригорка Тревура. — Яблочками балуемся?

— Как видишь. Да только одной травой сыт не будешь. Съестного чего прихватил? — тут же задал главный вопрос феникс.

— Обижаааешь, — покачал головой гремлин и поставил перед нами накрытую белым полотенчиком корзинку.

Яблоки тут же были выброшены за ненадобностью, а все внимание сосредоточилось на лакомствах, выуживаемых Фаустом из корзины.

Тревор с явной иронией смотрел, как мы со Стаськой бросаемся на вареную колбасу и жадно заталкиваем ее в рот, закусывая свежими овощами и еще теплым хлебом с хрустящей корочкой. Фауст в этом плане оказался более сдержанным. Феникса хватило даже на то, чтобы эту колбасу порезать. Тоненькими колечками. И сыр еще, и вареную картошечку с пылу с жару.

— Ну вы и оголодали, — с легким смешком прокомментировал наше поведение рыжий гремлин. А я заметила, что когда он вот так, как сейчас, широко улыбается, в уголках глаз собираются мелкие морщинки.

— Ну а что ты хотел? — мгновенно подключился к беседе Фауст, разумеется, не оставивший наше поведение без внимания. Он как раз укладывал колечки колбасы на хлеб и укрывал их сверху тонким ломтиком сыра. — Они же настоящие леди, потомственные графини.

Начинается... Опять он за свое!

Не удержалась и швырнула в Фауста ломтиком им же отрезанной колбасы. Колбаса на долю секунды прилипла к щеке и свалилась прямо за шиворот белобрысому язве.

Стаська хрюкнула. Я зажала ладошкой рот, дабы не заржать в голос. Тревор прыснул со смеху, а Фауст...

— Люба! — рыкнул феникс и, бросив бутерброд, подскочил с места. Распахнул полы

камзола и стал второпях расстегивать рубашку.

— О, стриптиз. Прямо с утра! — отвесила комментарий сестричка.

— Между прочим, кидаться едой неприлично! — нравоучительным тоном заявил Фауст, извлекая из-за пазухи несчастный кусок колбасы и потрясая им у меня перед носом.

— Эх... Жаль, тортов с кремом нет, — вздохнула мелкая. — Вот бы сейчас в войнушку поиграть.

— А яблоки за еду, значит, не считаются? — нашла что возразить блондину.

— Я же не специально! — вновь повторил Фауст.

— Я тоже... Соскользнула просто, — состроила невинную мордочку и развела руками я.

— Мстишь, значит? — сразу просек фишку Фауст и зловеще сощурил синие глаза.

Ох, а злится-то, злится. Того и гляди, вскипит сейчас. А вот я ни грамма не раскаиваюсь.

Так ему и надо! Было б чем, еще бы добавила.

— Какие же вы все еще дети, — глядя на нашу парочку, по-доброму усмехнулся Тревор. — Хотя... В вашей ситуации чрезмерная вспыльчивость вполне закономерна, — еще шире улыбнулся греmlin, а я непонимающе сдвинула брови.

Это о чем он сейчас?

— В какой такой ситуации? — напрягся Фауст, так же как и я, не въезжающий, в какую сторону клонит помощник Альберта.

Умничка Стаська же сразу смекнула, на что намекает греmlin. Склонилась к самому моему уху и доверительно поведала:

— Милые бранятся — только тешатся.

— Тьфу на тебя! — отмахнулась я от малявки.

Я-то думала, Стаська что полезное скажет, а она... опять за свое.

— Как вам, кстати, наш потайной ход? — меж тем очень удачно перевел тему Тревор.

— Самое отвратительное в мире место! — сплюнула сестрица. — Вам бы ремонтом заняться, что ли. Я, конечно, все понимаю... атмосфера готичности, таинственности и аскетизма, безусловно, выдержана. С этой точки зрения и паутинка к месту, и голые стены, и отсутствие центрального освещения. Но, право слово, не солидно как-то. Да и не модно уже давно. У нас вот в подzemке...

И вот тут сестрицу понесло совсем не в ту степь. Мужики тихонько офигевали от ее рекомендаций, я же, пока они были заняты, неспешно дожевывала остатки завтрака. А когда наконец насытилась, мягко перебила Стаську и перешла к более насущным вопросам, нежели улучшение жилищных условий в потайном ходе.

— Тревор, а вы случайно наши сумки не прихватили?

— Случайно прихватил, — обрадовал мужчина.

А потом поднялся с места, начертил в воздухе какой-то знак, тот вспыхнул синим светом, и через секунду на его месте возникла... эммм... дыра, короче. Эдакий портал в миниатюре.

Греmlin лихо сунул туда руку и выудил сначала одну сумку, а за ней и вторую.

Урааа, вещички! Хоть переодеться теперь можно. Все же в юбке по пересеченной местности шастать совершенно неудобно, да и после подземелья мы выглядим как чушки. В таком виде в приличное общество соваться стыдно.

Жаль только, что новые дорожные костюмы, приготовленные к отъезду, так и остались висеть на спинках кресел. Обидно...

Последнюю мысль я озвучила вслух. И греmlin тут же расплылся в довольной-

предовольной улыбке.

— Я взял на себя смелость упаковать ваши костюмы в сумки, — сообщил мужчина, и Стаська тут же сунула любопытный нос внутрь.

— Тревор, ты чудо! — окрестила рыжика сестричка, и я в кои-то веки была с ней согласна.

— В замке же обыск... А лорду Альберту совершенно не нужно, чтобы в одной из комнат обнаружились столь компрометирующие вещи. Ну... и не мог же я разлучить вас с бабушкой, — хмыкнул этот прохвост.

Так вот оно что. Все дело, оказывается, в прахе, что лежит на самом дне поклажи. От госпожи графини, значит, избавиться хотели? Ну-ну.

— Как ты вообще ее вынес? Дух же привязан к замку... — удивился Фауст.

— Ну... скажем так, мне пришлось изрядно попотеть. И то, если бы я не передал его потомкам, — помощник Альберта многозначительно глянул на нас с сестрицей, — то, скорее всего, дух вернулся бы обратно. А так должна сработать родственная привязка. Кстати, — вдруг вспомнил что-то важное Тревор, — я ведь и ваши вещи приготовил.

Гремлин поставил перед Фаустом здоровенный баул, что по размерам был раза в два больше наших со Стаськой сумок. Причем вместе взятых.

— Кажется, ты перестарался, — скептически глянул на это дело феникс.

— Можете выкинуть лишнее, — посоветовал ему гремлин, на что блондин лишь тяжело вздохнул и с горестной миной на лице полез копаться во всем этом барахле.

Стоит заметить, что баулом гремлин не ограничился. Помимо него Тревор вручил фениксу длинную простеганную сумку, напоминающую чехол не то для клюшек, не то для лыж.

Внутри же оказались мечи! И Фауст им обрадовался куда больше, нежели вещам. Сразу прицепил один клинок на пояс, а второй заботливо упаковал обратно. Помимо мечей в поклаже имелся и набор коротких кинжалов, которые в мгновение ока разместились на одежде пернатого. Причем я так до конца и не поняла, куда блондин умудрился распахать такое количество колюще-режущих предметов, так быстро он это все проделал. Оставалось лишь надеяться, что на этих клинках нет родовых знаков. Не хотелось бы вновь попасть в неприятную ситуацию с потерей улики.

Управившись с холодным оружием, феникс вновь занялся разбором поклажи. Кажется, он решительно намеревался выкинуть все лишнее. Мы со Стаськой тяжело вздохнули, уселись на бревнышко и приготовились терпеливо ждать. Оказалось, что загрустили мы рано. Ибо концерт только-только начинался.

Тревор поразил и приятно удивил одновременно. Чего он только не напихал Фаусту в дорогу: котелки, поварешки, вилки, тарелки, складной столик, брезентовый тент, плащ-палатку, матрас двуспальный, пару одеял, нечто в тканевом мешке, напомнившее мне компактно сложенный вигвам, а еще силки и пару резиновых сапог в придачу. Разве что удочки и набора снастей не хватало. Зато еда была — отдельный мешок с сухим пайком на случай голодной смерти. И уже после всей этой хозяйственной утвари, большую часть которой феникс попросту выкинул, на самом-самом дне оказались изрядно помятые шмотки.

— Ты кое-что забыл, — угрожающе протянул Фауст, оглядывая разложенные на траве припасы.

— Что?

— Жаровню! — рявкнул блондин. — На кой ляд ты это все напихал? Мы что, в турпоход

собрались? Да тут до ближайшего города максимум сутки пути...

— Как, еще сутки? — А это уже был наш с сестрицей синхронный взглас.

После целого дня, проведенного в подземелье, еще столько же лесами-полями топать? Он что, издевается? Однако отвечать нам никто не спешил. Возмущения нашего, похоже, вообще не заметили.

— Ну я так, на всякий случай, — пожал плечами гремлин. А Фауст поднялся, подхватил полупустой баул и, перевернув его вверх тормашками, вытряхнул оставшееся барахло.

Оказалось, что остались там не только шмотки. Вместе с тряпьем из сумки вывалилось несколько стеклянных бутыльков и мешочков разного размера.

Стаська, ближе всего сидевшая к вываленной куче, тут же схватилась за один из мешочков и вслух зачитала текст на прикрепленной бирочке:

— Футляры эластичные «Нежная защита ваших отношений». С маслом Ши и Пчелиным воском. Три штуки.

Чего? Какие футляры? Неужели это то, о чем я думаю?!

Глянула на мужиков. Лица у тех были, мягко говоря, офонаревшие. А потом Тревор как-то странно закашлялся, Фауст же вдруг залился краской. Весь. От шеи до самых кончиков ушей. И по этой его реакции я поняла, что в мешочке именно то, о чем я думаю!

— Стасечка, выкинь бяку... — елеиным голосочком попросила я сестру, до которой, по всей видимости, еще не дошло, о каких футлярах идет речь.

Но потом младшенькая меня окончательно добила.

— Ааа! — радостно воскликнула она, наконец смекнув, в чем дело, и... принялась с энтузиазмом расшнуровывать мешочек.

— Стася! — уже дружным хором заорали мы с мужиками.

Мелкая аж подпрыгнула на месте и мешочек с перепугу выронила.

— Какого?.. — где-то на периферии моего внимания прошипел Фауст, и, повернувшись, я обнаружила, как он сверлит Тревура злобным взглядом.

— Нет, ну я так, на всякий случай, — проговорил мужчина и якобы покаянно опустил сверкнувшие весельем глазки. Да еще и хитро покосился на меня из-под ресниц.

Не поняла... А я-то тут при чем? Мне эти штуки точно ни к чему. Мне их надевать некуда!

— Новейшая разработка, между прочим. Все очень рекомендуют, — меж тем стал рекламировать эластичные изделия Тревор.

— Ага... Сам-то пробовал, заботливый ты мой? — неожиданно поддержал разговор блондин.

Эммм... А ничего, что мы тут рядом? И все слышим, как-никак...

— Нууу, — замялся гремлин.

— Гадость, между прочим, редкостная! И вообще, на кой они мне сдались в лесу?

— Ну, мало ли... — и опять косой взгляд в мою сторону.

Да что ж это такое?! Да это возмутительно просто!

— Кхм... Кхм... — не выдержала я, решив прервать столь увлекательную и познавательную беседу. — Может, вы это потом обсудите? Здесь все-таки дети!

— Так ты в курсе, что там? — искренне удивился Фауст.

— Представь себе, да. И она, — я ткнула пальцем в Стасю, — тоже!

Стася приветливо помахала ручкой. Фауст же повторно покраснел. Да еще и ладошкой себя по лбу шлепнул. А потом выругался. Красиво так. Заковыристо.

— Прошу прощения, — поспешил наконец извиниться искренне смутившийся Тревор, быстро прошел к мешочку и, цапнув его, спрятал куда подальше.

Ну, неужели? Дошло-таки!

— Ладно, надо собрать все необходимое и трогаться, — отмер феникс и теперь уже стал самолично проверять остальные мешочки и баночки. — Я так понимаю, ты с нами не идешь и все это мне придется тащить на себе?!

— Именно, — обрадовал блондина перспективой веселого похода гремлин.

— Кстати, почему? — заинтересовался Фауст, а я вмиг наострила ушки.

И правда, чего это Тревор отлынивает? Вроде же мы решили, что он отправится с нами. Гремлин — попутчик полезный. И должен провести нас к водопаду.

— Сиды, — развел руками сей полезный экземпляр. — Они остались в замке. И мало того, что мне приходится за ними следить. Так они еще и сами потребовали моего присутствия. Видимо, опасаются, что я буду вам помогать. У них-то самих ни гремлинов, ни брауни на службе не водится. Вот и перестраховываются.

— Понятно... — горько вздохнул Фауст.

— Так что к капищу вам придется пробираться самостоятельно, — обрадовал помощник Альберта, а я очень вовремя вспомнила о том, что намеревалась сообщить фениксам перед нашим скоропалительным побегом.

— Да, с этим справимся как-нибудь, — беззаботно отозвался феникс и уже гораздо более серьезным тоном добавил: — Меня больше засада остроухих волнует.

Вот! А ведь засаду-то можно обойти. Я уже раскрыла рот, чтобы вставить свое веское слово, но не успела.

— Ну, пока лорд Синдар обосновался в Осколке неба, поводов для опасения нет.

— У меня есть пред... — попыталась вклиниться я, но была резко перебита.

— Но он же не будет там вечно сидеть! — как-то слишком эмоционально выпалил Фауст.

— Здесь главное, чтобы он вас не обогнал. А уж задержать-то мы его задержим, — уверенно пообещал рыжий.

— Слушайте...

— Да уж постарайтесь. И глаз с него не сводите. Не хватало нам еще толпы безвольных марионеток на поводке у Бирюзового лорда.

— Да вы послушаете меня или нет?! — не выдержав, гаркнула я.

Занятые друг другом мужчины мгновенно заткнулись и перевели все внимание на меня. Фауст даже вещи перебирать прекратил.

— Короче, к водопаду нам не надо!

— Вот так новости, — фыркнул Фауст.

— Да ты дослушай сначала! — вновь пришлось повысить голос.

Ну а что делать, если эти мужики по-другому не понимают? Особенно один, белобрысый такой!

В общем, я вкратце поведала историю знакомства с Земляной. В том числе раскрыла и тайну ее личности. Вряд ли, конечно, сама богиня этому обрадуется, а может, и вовсе накажет, как поступила с болтливым Лео. Но другого выхода у меня просто нет. Да и собственная шкура пока еще дорога.

— Леди Гаррини, значит, — задумчиво протянул Тревор, поглаживая гладко выбритый подбородок. — Интересно, интересно. Надо подумать, что это может нам дать.

— Да чего там думать! — не стерпела я. — Все ж и так понятно. Будучи духом, кольцо она забрать не может, иначе бы уже давно это сделала. А значит, ей необходимо личное присутствие, так сказать, в материальной форме. Вот она и распорядилась явиться к Радужному водопаду, потому как вполне может самолично туда прийти.

— Или приползти, — вставила свою лепту Стаська, а я согласно поддакнула.

— И что же ты предлагаешь? Вместо капища явиться прямо к ней домой? — сделал верные выводы феникс.

— Почему бы и нет?

— Знать бы еще адресок, — усмехнулся блондин.

— Ну, это можно устроить. Имеющихся сведений не так уж и мало. Мы с лордом Финийком проверим эту леди по своим каналам и сообщим вам результаты в письме. Возьмешь с собой курьера?

— Возьму, если надо, — покорно согласился Фауст, и Тревор с легким хлопком испарился. По всей видимости, отправился добывать птичку.

А я вдруг озадачилась. Если гремлин может так запросто скакать сквозь пространство, то зачем нам вообще нужен курьер? И что мешает помощнику, так сказать, телепортироваться к нам, когда мы уже прибудем на место?

Откладывая разрешение этих вопросов не стала и сразу же изложила свои сомнения Фаусту.

— Понимаешь, в чем дело, — начал объяснять феникс, попутно складывая вещи аккуратной стопочкой. — Гремлины ходят по подпространству. Там время и расстояния иные, чем здесь. И для того, чтобы попасть в определенную точку, Тревору нужно знать точные координаты. В змеиной провинции наш дорогой друг, к сожалению, не бывал, а потому у него попросту нет ориентиров для выхода.

— Ах вот оно как... А ты ему координаты в письме скинуть не можешь?

Ну а что? Вон, как у нас, координаты GPS отправил, и все дела.

— Издеваешься? — всерьез спросил феникс.

— Нннет, — почему-то запнулась я, но тут же уверенно добавила: — В нашем мире это вполне обыденное явление.

Фауст внимательно посмотрел на меня, перевел взгляд на Стаську, с интересом прислушивающуюся к разговору. Подвоха не обнаружил, а потому принял мое утверждение за истину.

— Мы так не умеем, — вынужден был признать феникс. — Разве что, когда гремлин перемещается напрямую к хозяину, дополнительные координаты ему не требуются. Но я, к сожалению, не успел привязать Тревура к себе. Мы слишком поспешно покинули замок.

— А сейчас привязать нельзя? Ну, когда он вернется.

— Нет. — Фауст помотал головой и поднял с земли одну из стеклянных бутылочек с какой-то вязкой жидкостью внутри. — Я не могу сделать этого без отца.

Вслед за первой блондин поднял вторую бутылочку и сунул обе в сумку.

— А это что? — заинтересовалась я, мгновенно переключив свое внимание.

Как-то странным показалось, что больше половины вещей, собранных гремлином, Фауст выложил, а эти тяжеленные бутылки оставил.

— Средство для волос, — совершенно невозмутимо отозвался блондин. А вот я была малость шокирована его откровением.

— Погоди-ка... То есть ты берешь с собой средство для волос?! — Я старалась

держаться спокойно, но возмущение проскочило-таки в голосе.

Феникс же сути претензий не уловил.

— Ну да, а что? Такое абы где не купишь. Я специально выписывал у столичного мастера-фармацевта.

— Стоп-стоп. Погоди, — все еще недоумевала я. Ну не вязался у меня этот шампунь, или что там было в бутылках, с образом серьезного, собранного Фауста, привыкшего к невзгодам походной жизни. — То есть ты выложил почти всю посуду, тент, палатку, спальники, без которых ночью мы наверняка околеем, а свой дурацкий шампунь оставил?!

— А что, вы ночью замерзли? — искренне удивился Фауст.

Нет, ну не дурак ли? Он что, думает, что я к нему жалась, потому что мне ласки в сыром затхлом подземелье захотелось?

— Нет, блин! Мы себя как на курорте ощущали!

— Ладно тебе, не ори, — понял свой промах мужчина. — Возьму я вам спальники.

Пообещал и тут же выполнил. Примостил два спальных мешка поверх шампуня.

— А средство для волос свое не выложишь? — ехидно поинтересовалась я.

Не то чтобы для меня это было столь принципиально, ну просто... это ведь глупость какая-то! Глупость, совершенно не укладывающаяся у меня в голове.

— Сказал же — нет! — очень ревностно отнесся к своим бутылочкам феникс. — Я без них волосы не прочешу. И вообще, какая тебе разница? Я же их понесу!

— Знаешь, дорогуша. Если бы я пять минут назад не видела в твоей сумке упаковки с през... кхм... футлярами, — почему-то это слово казалось мне более приличным, чем пришедшее из родного мира, — я бы подумала, что ты пе... — осеклась на полуслове и тут же зажала рот ладошкой.

Твою ж... маковку! И кто меня только за язык тянул?

Фауст напрягся. Глаза сузил, губы поджал. И стал нарочито медленно подниматься на ноги, выпрямляясь во весь свой немаленький рост.

— А ну-ка, повтори... — прошипел мужчина, а во взгляде его бушевала гроза, злая, неистовая, готовая вот-вот вырваться наружу. — Как ты меня назвала?

Не помню, говорила ли я, что Фауст в гневе страшен? В общем, если не говорила, сообщаю сейчас — блондин в гневе страшен! Настолько, что когда он сделал шаг вперед, я инстинктивно сделала один назад.

— Эммм. Я хотела сказать. Я хотела сказать пе... пе... педант! — проблеяла я, все отступая назад, в то время как Фауст медленно, но верно надвигался на меня. Кулаки сжаты, глаза мечут молнии, сам весь подобрался.

Мамочки, неужели кинется? И что тогда? Ой, как-то я не горю желанием это проверять.

Короче, накала страстей не выдержала. Трусливо взвизгнула, развернулась и дала деру. А впереди яблоневый сад. Как я умудрилась забраться на дерево, да еще и в юбке, — ума не приложу. Вот что страх делает с людьми!

В итоге я сидела на дереве, разгневанный Фауст метался вниз.

— А ну, слезай! — рявкнул феникс.

— Зачем? — пискнула я, еще крепче цепляясь за ветку.

— А мы с тобой поговорим, — загробным голосом пообещал блондин, но я, разумеется, ни на долю секунды ему не поверила.

— И не подумаю! — крикнула в ответ и для верности забралась повыше.

— Люба, — все так же угрожающе продолжил феникс и ткнул пальцем в землю, —

сейчас же спускайся! А не то... я сам тебя сниму! — И демонстративно так начал снимать камзол.

Ой, он что, сейчас за мной полезет? Хотя, зачем ему лезть, он же левитировать умеет! И спасает меня от незавидной участи разве что нежелание блондина запутаться волосами в разлапистой кроне.

— Только попробуй, — тем не менее храбро крикнула я и, дотянувшись наконец до ветки со спелыми яблочками, схватилась за первый снаряд.

Целилась, разумеется, в голову. Вот только пронырливый гад легко уклонился, и яблочко лишь слегка задело плечо. Я не сдалась. Тут же швырнула в Фауста второе. Тот же результат. Тогда я обзавелась сразу тремя плодами и решила бросить их одновременно, авось одно да попадет по вредной блондинистой головушке.

Феникс мою задумку сразу раскусил. Неуловимым движением вытащил меч из ножен и прямо на лету искромсал все мои снаряды, разве что сок брызнул на щеку, которую блондин брезгливо отер рукавом.

— И долго еще мы так играть будем?

— Пока не надоест! — заявила я и подкинула в руке наливное красное яблочко.

Сначала хотела швырнуть его вниз так же, как и остальные, а потом подумала и с аппетитом вгрызлась в румяный бок. В принципе, сверху еще и плевать можно. И меч тут этому зазнайке вряд ли поможет. Чистеньким точно не останется.

В общем, грызла я яблочко, попутно размышляя, какую бы вытворить пакость, чтобы фениксу совсем несладко стало. А Фауст тем временем терял терпение. Он решительно спрятал меч в ножны и, вскинув голову, крайне решительным тоном пригрозил:

— Я сейчас тебя оттуда сниму и знаешь, что с тобой сделаю? — И уже повернувшись к сестренке: — Стася, закрой уши!

Я благоразумно не стала дожидаться, пока мужчина озвучит свои угрозы, и сразу спросила:

— За что?

Да еще с недоумением таким, ну чтоб не осталось сомнений в моих умственных способностях, а точнее, их отсутствии — слабоумных ведь не бьют!

— И ты еще спрашиваешь?! — возмутился блондин. — То фригидным меня обзываешь, то педиком. Да ты просто вынуждаешь меня начать доказывать свою состоятельность!

— Лорд Финийк, вы ведь обещали отцу, что не станете заходить столь далеко. — Словно из ниоткуда рядом вырос Тревор. Хотя почему «словно»? Реально ведь из ниоткуда!

Но это мелочи, а вот то, что он сказал...

— Ооо. А вот это уже интересно... И о чем это вы с отцом болтали?

— Не твое дело, — буркнул Фауст и повернулся к гремлину: — А папаше передай, что раз он такой сплетник, впредь и слова ему не скажу.

На этом он стремительно развернулся и, надувшись, аки рыба фугу, направился прочь. Уууу, какие мы обидчивые-то, оказывается...

В общем, Фауст удалился, а вот передо мной очень остро встал один животрепещущий вопрос: как отсюда слазить?! Залезла-то я с легкостью, а вот вниз... было страшно и почему-то дико неудобно. Проклятая юбка так и норовила за что-нибудь зацепиться. А еще приходилось ее постоянно придерживать, чтобы не светить задом. Внизу-то Тревор!

Стоял бы там Фауст, я бы так не заморачивалась. Перед ним-то я уже неоднократно сверкала пятой точкой. А вот перед гремлином как-то неловко. Но не звать же блондина

обратно! А то получится, что я сначала от него на дерево сбежала и спускаться не хотела, а потом его же о помощи прошу. Хотя, если бы он подлетел и спустил, как тогда с башни, было бы намного проще. И приятнее... Но у меня, слава богу, пока еще есть гордость!

Короче, часть пути я кое-как преодолела, а вот когда закончились ветки и зацепиться стало решительно не за что, — а высота-то приличная, — то я поняла, что без поддержки мне же не выбраться.

На выручку, разумеется, пришел рыжий наблюдатель. Тревор подошел к самому стволу и распростер объятия.

— Прыгайте, поймаю! — заверил мужчина, а я покосилась в сторону Фауста.

Блондин суетился возле своей сумки и демонстративно не смотрел в нашу сторону.

Пытается казаться бесчувственной ледышкой?

Ну-ну. Уж я-то выведу тебя на чистую воду. Все мне расскажешь. И о чем с папашей разговаривали — а разговаривали вы точно обо мне, — и что с Тиарной решили. Сам расскажешь как миленький!

— Ой, тут высоко, я боюсь! — взвизгнула погромче, чтобы привлечь внимание вредного блондина.

Фауст привлёкся. Якобы невзначай повернул голову и стал свидетелем того, как я прыгаю в объятия Тревура и вся такая смущаюсь и краснею от его близости.

Феникс тут же отвернулся, но вещи стал складывать куда более порывисто, чем прежде. Я бы даже сказала — остервенело так. Дааа, до отцовской невозмутимости ему еще ой как далеко.

Ну а я не собиралась заканчивать спектакль. Вежливо поблагодарила гремлину и пошла по направлению к нашим сумкам, а потом...

— Ой! Я, кажется, ногу подвернула! — И завывала так натурально.

Тревор, как истинный джентльмен, конечно же, услужливо подставил мне локоток, чем я и воспользовалась, практически повиснув на мужчине.

Феникс сжал зубы, а швыряемым в сумку вещам я сильно посочувствовала.

А когда мы с рыжим помощником достаточно приблизились, этот неуравновешенный пернатый стремительно обернулся и приказал:

— Ногу покажи!

Ну, типа, волновался, что самостоятельно продолжить путь не смогу.

Я же никакую ногу в его распоряжение предоставлять не собиралась, а потому с крайне озабоченным видом «попыталась» на нее опереться и, «убедившись», что все в порядке, бодренько заявила:

— Ой, все уже прошло! — И с самым невинным видом направилась к своим вещам.

Гремлин там вроде дорожный костюмчик мой упаковал. Так почему бы не облачиться? Вот прямо сейчас! Не могу же я в дорогу, что идет лесом-полем, полем-лесом, отправляться в платье!

В общем, вытащила на свет прикупленные брючки, рубашку. Жакет же с накладной юбкой приберегла на потом. Костюм красивый, изумрудный. Не хотелось бы его сейчас измарать. Вот приедем в город — там и покрасуюсь. А пока облачусь просто в то, что удобно. Да и солнце уже довольно высоко вылезло на небосвод. День обещает быть жарким.

Так, теперь вопрос: устраивать стриптиз прямо тут или в насквозь просвечивающемся яблоневом саду? Да и мужиков бы предупредить. Ну, точнее, Тревура. Спектакль-то я устраиваю исключительно для блондина.

— Лу, ты чего, переодеться решила? — выручила меня своим вопросом сестричка.

— Ага, только тут спрятаться особо негде. Ну да какая разница, все ж свои! — объявила во всеуслышание.

Тревор оказался понятливым. Я бы даже сказала — на редкость понятливым.

— Ну что ж, мне пора. Задержался тут я что-то с вами. Вдруг еще хватятся? Вот курьер, — греmlin ткнул в небольшую, накрытую платком клетку. — Как доберетесь до змеиной провинции, не забудь отослать.

Фауст кивнул и переставил птичку поближе к вещам.

— Ну все, счастливо! О лишних вещах не беспокойтесь, я позже за ними вернусь, — сообщил мужчина и с тихим хлопком испарился.

Молодец, однако!

Я же разложила перед собой приготовленные шмотки и взялась за застежку на платье. Так уж удачно вышло, что пуговички на этом наряде находились сзади. В принципе, если поднапрячься, я бы и сама с ними управилась, но цель-то моя была в другом — довести до белого каления Фауста. Так что я демонстративно помучилась с упрямой застежкой и, «не справившись» с эдакой заразой, направилась за помощью к блондину.

— Расстегни, пожалуйста, — попросила вежливо и повернулась к фениксу спиной.

Тот без лишних вопросов схватился за край и... замер в нерешительности.

А до моего уха долетало слишком уж горячее, слишком прерывистое дыхание.

Мне на мгновение подумалось: «А вдруг он сейчас того... не стерпит да уложит меня прямо здесь на обе лопатки?» Потом глянула на Стаську. Неее, при мелкой не станет. Да и Фауст ведь не такой...

Если б хотел, мог бы уже сто раз меня где-нибудь уложить. Но нет...

И ведь знаю, что хочет, чувствую, как второй рукой касается горловины. Как пальцы случайно дотрагиваются до обнаженного участка шеи и буквально обжигают нежную кожу. Но тут же отдергиваются. Будто испугавшись этого невинного прикосновения.

Сдерживается...

Вот только зачем? Кто бы мне объяснил.

— Кхм... Ну что там? — тихонько поторопила его. Чувствую, сам он никогда не решится.

— Ничего... — хриловато ответил феникс и выудил пуговку из петлички. Тоже медленно так. Растягивает удовольствие?

Хотя там и любоваться-то нечем. Под платьем сорочка. Простая, хлопковая. Можно было, конечно, кружевную надеть или шелковую. Выбор в замке был. Но мне комфортнее и привычнее в такой, а потому никакой эротикой тут и не пахло. В моем понимании, естественно. А вот Фауст, похоже, был иного мнения.

Он дошел до конца, а потом легонько, еле ощутимо провел пальцами вдоль позвоночника. Сделала вид, что не заметила. Стояла, не дергаясь, и терпеливо ждала, что же он сделает дальше. Молясь лишь об одном, чтобы глупое сердце не выпорхнуло из груди.

— Все... — возвестил феникс, позволив мне отмереть.

— Угу. — Ничего большего просто не смогла из себя выдавить.

Актриса фигова! А как же вторая часть Марлезонского балета? Мне же еще это платье перед ним снимать и в брюки облачаться. А у меня того, сердечко самовольничает!

Короче, спектакль отменяется. По-быстрому переодеваемся, и дело с концом.

Вернулась на прежнее место и решительно стянула с плеч тяжелую парчу. Золотистая

ткань мягкими складками легла у ног, а я осталась в одной сорочке.

И вроде одета, но чувствую себя голой. А Фауст не уходит, не отворачивается и искоса поглядывает в мою сторону. И он еще когда-то о приличии и манерах смел мне втолковывать. Сам-то не лучше!

И даже с застежкой к Стаське не отправил. А ведь мог бы съязвить что-нибудь в своей обычной манере и отослать куда подальше. Но нет.

Ладно, и чего я паникую? Я ведь на то и рассчитывала. Радоваться должна, Любка, что мужику небезразлична. А ты? Руки трясутся, штанины не слушаются. Но с грехом пополам в брюки я влезла.

С рубашкой оказалось сложнее. Поверх сорочки ее надевать не комильфо, ибо сорочка длинная, брюки узкие, и она туда ну никак не заправится. А снять... Нет, я, конечно, однажды порывалась позагорать на пляже топлес. Но тут-то не пляж! А бюстиком я как-то не обзавелась, с тех пор как мой в качестве боевого трофея достался сидам. Дилемма...

Но переодеваться надо. Эх, была не была. Шустро повернулась к блондину спиной и стянула сорочку. Сразу же накинула на плечи рубашку и принялась застегивать мелкие пуговицы. Одна, вторая, третья. Когда закончила и вновь обернулась к мужчине, оказалось, что тот все же отвернулся. Он как раз застегивал ремень на своей сумке, которая по совместительству оказалась еще и рюкзаком.

Фуух! Все же раздеваться перед парнем, который тебе небезразличен, крайне волнительно. Да и вообще, лучше этого не делать. Мужчина сам должен тебя раздевать, вот!

Схватила с земли сброшенное платье, встряхнула, чтобы убрать к остальным вещам, и в этот момент из складок ткани выпало стальное перышко.

Ох, чуть не посеяла. Подняла перо и сунула за пояс брюк. Смотрится вполне себе как оружие. Кстаати. Фауст же обещал научить, как сделать из него твердый клинок.

— Фауст, — окликнула феникса. — А ты покажешь тот фокус с пером?

— Покажу. Только давайте на ближайшем привале, хорошо?

Ну, на привале так на привале.

— Вы с вещами управитесь? — поинтересовался феникс, взваливая на спину свой здоровенный вещмешок. По сравнению с прежними размерами он стал раза в два меньше, но все равно на фоне наших миниатюрных сумочек смотрелся громадным. И как он его потащит?

Хотя... Он же мужик. Он сильный.

— Да, конечно! — за нас двоих ответила я, с легкостью поднимая свою ношу.

В общем, тронулись!

Глава 2

Спасительный засос

Оказалось, что за двоих я отвечала зря. Ибо Стаська свою поклажу тащила с трудом. Ну, точнее, начала-то она вполне бодренько, но уже через час пути стала выбиваться из сил и сумку свою попросту волокла по земле.

Короче, первый привал пришлось сделать совсем скоро, для того чтобы перетряхнуть Стаськины вещи и распахать их по нашим с Фаустом тюкам.

Как ни странно, феникс по этому поводу даже ворчать не стал, хотя я точно помню, что в магазине он грозился, что все купленные вещи мы будем тащить исключительно на своём горбу.

А сейчас ни слова не сказал. Лишь вздохнул тяжело и аки ломовая лошадка поволол увеличившийся рюкзак. У меня весу тоже прибавилась. Но разницы я почти не заметила. Все же с колечком богини жизнь заметно упрощается.

Зато Стаська теперь была навеселе. Прыгала вокруг нас горной козочкой и не умолкала ни на секунду. Сначала ее болтовня была вполне невинной: природа, погода, мода и байки из школьной жизни, а потом вдруг ее повело совсем не в ту степь!

— Фауст, а тебе какие девушки нравятся? — неожиданно спросила она, и феникс споткнулся буквально на ровном месте.

Стаська хихикнула и заговорщически мне подмигнула.

Вот ведь, коза мелкая!

— К чему вопрос? — полубопытствовал он, и что-то мне подсказывало — отвечать Фауст не намерен.

Но Стаська, она ж такая, с шеи не слезет, пока своего не добьется. Чувствую, придется мне опять ее усмирять.

— Да так, интересно, — лукаво сощурившись, улыбнулась сестричка.

— Оцениваешь свои шансы? — подколот мелкую Фауст. Хммм, один-ноль в его пользу.

— Сдался ты мне, — фыркнула в ответ девчонка и надула пухленькие губки. А потом выдала совершенно нелепое: — Я, может, того, соцопрос провожу!

— Какой опрос?!

— Соцопрос. Статистику собираю, — пояснила эта врунишка.

— Обойдется ваша статистика без меня, — фыркнул феникс и быстрее припустил вперед.

Стаська не отставала. Вприпрыжку мчалась за Фаустом, смешно перепрыгивая с камня на камень.

Местность тут была малость гористая. Пологое плато или что-то в этом роде. Почва под ногами твердая, усыпанная крупными валунами и плоскими, будто срезанными ножом, кусками горной породы. А иногда и вовсе стелилась каменной крошкой вперемешку с хиленькой травкой, мхом и блеклым лишайником.

В целом идти было вполне комфортно, к тому же двигались мы сейчас вниз по склону, но опасность поскользнуться и навернуться на острых камнях была немаленькая, а потому Стаськины лихие скачки меня изрядно нервировали.

— Да ладно тебе, чего ты мнешься, как девчонка? Колись давай, — сменила тактику

сестричка, решив взять блондина на понт. — Фигуристые, наверно, нравятся, да? Такие, чтоб за что подержаться было?

— Да с чего ты взяла? — не выдержал феникс.

А тактика-то сработала. Один-один!

— А что, разве нет?

— Нет! — рывкнул блондин. Ну все, довела... А потом вдруг прозвучало неожиданное: — Мне девушки миниатюрные нравятся. И хрупкие.

Вот так дела...

— Блондинки или брюнетки? — продолжала допрос Стаська.

— Брюнетки, — без запинки ответил Фауст.

Ой, мамочки...

— С зелеными глазами, да? — вконец обнаглела сестрица, и тут не сдержалась уже я.

— Стася! — гаркнула на сестру. — А ну, прекрати!

— А чего я такого спросила?! — состроила невинное личико эта провокаторша.

— Мне нравятся скромные и воспитанные, — вкрадчиво ответил феникс, а потом добил окончательно: — Но к вам это не относится!

Так, что-то я не поняла. Это к нам со Стаськой не относится? Или только к Стаське? Ведь я же воспитанная? Воспитанная! Когда надо... И скромная! Да, такая скромная, что самолично сегодня устроила стриптиз... Ну, что поделать? Бывает!

— Люб... — Стаська отвязалась от блондина и теперь начала приставать ко мне. — Люб, ты пернатому нравишься, слышала? — прошептала мелкая.

— А то я без тебя этого не знала! — тут же осадил сестричку. — И вообще, не лезь! Как-нибудь без тебя разберемся!

Младшенькая, кажется, обиделась. Надулась и как воды в рот набрала. Зато все оставшееся время до привала ее было не видно и не слышно. Хоть отдохнули.

Привал устроили у самой кромки леса. Фауст углубился в чашу, чтобы поставить силки, нам же с сестрой было поручено накрыть на стол. Однако при отсутствии стола пришлось накрывать на землю. Сделали все как полагается: пледик на травку бросили, съестное по тарелочкам разложили и сидим ждем.

А Фауста нет, долго так нет. Скучно. Стаська на траве разлеглась и глазки прикрыла. То ли дремлет, то ли загорает.

Мне тоже хотелось позагорать. Тем более что солнце пекло вовсю. Снять бы сейчас рубашечку, перевернуться на животик и... И потом вернется феникс и устроит нагоняй. Ну или... чего похуже устроит. А может, и получше, и поприятнее. Н-да... что-то мысли у меня совсем не в ту сторону. Мало, что ли, сегодняшнего стриптиза было?

Решительно тряхнула головой, отгоняя от себя всякие неприличные мыслишки.

И вообще, пора бы уже занять себя чем-нибудь полезным.

В итоге достала из-за пояса перо и решила, пока не вернулся блондин, немного поэкспериментировать. Если у меня без его подсказок получится управиться с перышком, будет чем гордиться. Ну и похвастаться тоже.

А дальше... чего я только не пробовала. Водила по нему и так и сяк. И снизу вверх, и сверху вниз. И по направлению роста волосков, и против «шерсти». И сжимала, и разжимала. Твердеть стальное перо решительно не хотело.

Тяжко вздохнула и предприняла еще одну попытку. Как он там делал? Положить на ладонь, зажать большим пальцем и резко провести до кончика.

— Ты немного не так держишь, — вдруг раздалось сзади, а я чуть не подпрыгнула от неожиданности. И как он так незаметно подкрался?

Фауст приблизился, опустил на плед рядом со мной и аккуратно перехватил ладошку.

— Смотри, ладонь должна быть идеально прямая. Иначе можно порезаться. Большим пальцем нужно давить на стержень, так сильно, как только можешь. Правильное давление активизирует механизм вхождения звеньев друг в друга, за счет чего создается единая поверхность.

Мужчина с силой надавил на мой палец, и я услышала легкий, почти на грани слышимости, щелчок. С похожим звуком, пожалуй, выкидывается лезвие складного ножа.

— Вот так, а теперь веди. Скорость тут не столь важна, главное, не дать слабинку, а то придётся начинать сначала.

Он медленно вел, направлял мою ладонь, а я с восторгом смотрела на то, как мягкие ворсинки под моими пальцами превращаются в гладкий отполированный металл.

— Потрясно! — выдала я, вертя перед носом уже готовый блестящий клинок.

— Ну, это еще не потрясно, — легонько усмехнулся мужчина. — Потрясно — это когда подобное происходит прямо в воздухе, со всеми перьями сразу.

Я представила себе картинку и от удивления аж рот приоткрыла.

— То есть ты можешь прямо в полете стать вот таким вот, — я провела пальцем по тонкому металлу, — стальным?

— Ага, — кивнул пернатый и легонько улыбнулся. — Я же ведь Стальной феникс.

Звучало убедительно. Но мне почему-то не верилось. Стальная птица... Это точно что-то из области фантастики. Совсем уж нереально.

— А как же летать с такими перьями? Тяжело же...

— Дурочка... — беззлобно обозвал меня Фауст. — Вес-то не меняется!

Я взвесила клинок на ладони, и до меня только сейчас дошло, что он легкий, словно пушинка. Поразительно. Твердый, острый, опасный — и ничего не весит. Идеальное оружие. А если десяток таких насобирать... то можно здорово ими кидаться. Надо будет потренироваться на досуге.

Улыбнулась своим мыслям, и улыбка эта вышла донельзя хитрой и довольной.

— Что это ты задумала? — заподозрил неладное Фауст.

— Хочу тебя общипать! — радостно выдала я. — Чтобы быть во всеоружии, так сказать.

— И я, и я, — тут же поспешила заявить о своих желаниях сестричка. — Меня тоже научи! — попросила мелкая, глядя на Фауста щенячьими глазами.

Не знаю, что произошло и с чем был связан благодушный настрой блондина, но Стаську он тоже научил. А еще показал нам обеим, как возвращать перо в прежнее состояние. Принцип был тот же, только вести надо было в противоположную сторону.

В общем, с перышком мы игрались еще минут пятнадцать.

— Круто-круто! — верещала сестричка, раз за разом проводя по остову.

Мягкий — твердый, твердый — мягкий. И так бесконечно. И никакого износа!

Младшенькая радовалась как ребенок, а вот у меня по этому поводу почему-то вдруг возникла совсем не детская ассоциация. Интересно, а у мужчин... ну, их мужское достоинство по тому же принципу работает?

Фауст закашлялся.

— Ты чего? — спросила я, не понимая, чем вызвана столь бурная реакция.

— Я чего? — откашлявшись, вопросительно глянул на меня мужчина. — Да я вот

думаю, тебе сейчас продемонстрировать или как? — И посмотрел на меня с таким упреком, что мне стало неуютно.

И еще до меня, кажется, дошло...

— Я что, это вслух спросила?

— Ага, — подтвердил мои худшие опасения Фауст.

Ой, мамочкиии! Захотелось завывать с досады и обеими руками схватиться за голову.

А еще я, кажется, покраснела. Впервые в жизни...

Блондин заметил смущение, но замять тему не спешил:

— Так что, тебе сейчас продемонстрировать? — таким многообещающим тоном повторил феникс, что меня повторно бросило в краску. Да что за фигня со мной такая?

Так, Люба, соберись!

— Эммм... Давай на следующем привале, а? — справившись с эмоциями, бодренько предложила я и первая схватилась за еду. — А фо офень куфать хофется, — уже с набитым ртом сообщила блондину, не отрывающему от меня подозрительного взгляда.

— А вы это о чем? — сделала крайне недоуменное лицо сестричка, и я мысленно порадовалась, что хотя бы в этом вопросе мелкая не просвещена.

— Ну, хоть так, — был солидарен со мной Фауст, поглядывающий на сторающую от любопытства Стаську.

Мне же надо было что-то ей отвечать. Да еще правдоподобно, а то ж не отстанет.

— А мы... про силки, — наудачу выдала я.

— Я Любе обещал показать, как их ссоставить! — поддержал легенду Фауст, особенно выделив последнее слово. И у меня закралось разумное подозрение, что «ставить» мы будем нечто другое...

Впрочем, тему удалось благополучно замять. Все сосредоточились на еде, а после обеда, заметно отдохнувшие и в целом довольные жизнью, продолжили путь.

Как сообщил Фауст, дальше нам предстояло идти через лес, на опушке которого мы изволили трапезничать.

— Будьте аккуратны, — предупредил мужчина, стоило нашей разношерстной компании ступить под сень деревьев. — Это древний лес. Здесь таится много опасностей.

Я огляделась вокруг. Коротенькая травка, тоненькие березки, рябинки, осинки. Лес как лес. Светлый, приветливый. Я б тут с удовольствием грибочки пособирала или повалялась на мягком ковре из сочно-зеленого мха. Какие тут могут быть опасности?

В общем, слова феникса всерьез я не восприняла, а потому...

— Неужели волки водятся? — смеясь, спросила я и сделала страшные круглые глаза.

— Оборотни, — хихикнула Стаська, разделявшая мое шутливое настроение.

— И медведи. Людоеды! А может, даже снежный человек.

— Ага, а еще ядовитые змеи, гигантские осы и грибы-убийцы, — добавила мелкая.

— Кстати, грибы тоже не советую пробовать. Впрочем, как и ягоды, — спокойно сообщил Фауст, ничуть не задетый нашей издевкой. Привыкает потихоньку. — А по поводу опасных хищников... Змеи тут и вправду водятся, а еще карликовые виверны, болотные гидры, дикие псы, химеры, древесные скорпионы и василиски. Так что советую не отходить далеко.

Эээ. Издевается, да? Это он мне сейчас всех мифических существ, что вспомнил, перечислил или как? Да и вообще, старый древний лес должен выглядеть совсем иначе. А в этом разве что пушистенькие зайчики водятся.

— Это ты так пошутил, да? — решила уточнить я у феникса, на что мне со всей серьёзностью ответили.

— По-твоему, я хочу вас запугать? — осведомился мужчина, а я неопределенно пожала плечами.

Феникс ни подтверждать, ни разубеждать меня не стал. Но еще раз повторил:

— Просто держитесь ближе ко мне. И не трогайте ничего вокруг. Ясно? — И строго глянул сначала на меня, а потом и на сестру.

Мы синхронно кивнули. Ну а что нам еще оставалось? Не спорить же. К тому же мы все равно не собирались никуда отходить.

Примерно через полчаса лес уже не казался мне столь приветливым, как вначале. Деревья становились все толще, все выше, лиственная подстилка под ногами мягче. На нашем пути было все больше хвойных. Все чаще попадались мертвые остовы деревьев, опоясанные гигантскими лианами. Где-то из-под земли торчали огромные извилистые корни, а кое-где земля проваливалась оврагами и зыбкими рытвинами, заполненными дождевой водой.

Чем дальше, тем сильнее мне становилось не по себе, и желание держаться ближе к Фаусту, а еще лучше вцепиться в него руками и ногами все возрастало.

— А ничего так лесок, — заключила Стаська, обведя взглядом кривое трухлявое дерево, выведенное изнутри, которое непонятно каким образом все еще держалось вертикально.

— Стась, отойди отсюда, — попросила я, резонно опасаясь, что это деревце вот-вот рухнет.

Сестричка скривилась, но послушалась.

— Трусиха, — буркнула мелкая и, насупившись, поплелась следом.

А лес становился все необычнее. Землю скрывали огромные папоротники, лианы обвивали уже практически все деревья, свисали вниз гибкими змеями, стелились по земле в поисках новой опоры, за которую можно было бы зацепиться. Я благоразумно все их перешагивала, Стаська же время от времени пинала ногами толстые стебли, за что удостоивалась косых взглядов блондина.

Дальше на пути нарисовались не пойми откуда взявшиеся валуны. Огромные, гладкие, с северной стороны поросшие мхом и лишайником.

Фауст эти камни старательно обходил стороной, сестричка же...

— Ух ты, какой цветок! — и вприпрыжку понеслась к ближайшему валуну, на котором обнаружились крупные розовые цветы с белой, почти что светящейся в полумраке леса каймой. Цветы были красивые, чем-то напоминали водные лилии, только лепестки мясистые, пушистенькие, со множеством коротеньких ворсинок, к которым так и тянуло прикоснуться. Я уже сделала шаг вперед, собираясь догнать сестру, как услышала резкий окрик.

— Стася, не трогай! — рывкнул феникс, и мелкая застыла с протянутой рукой.

— Почему? — обиженно протянула девчонка, у которой, считай, только что отобрали потенциальную игрушку.

— Это большая жирянка. Если не желаешь получить кислотный ожог, лучше не трогай, — пояснил пернатый, и Стаська тут же опасливо отдернула ручку от манящего розового цветка.

Вот тебе и красота. Хищная и опасная. Для кого-то смертельно. Как пояснил позже феникс, на эти мясистые лепестки обычно прилипают всякие жучки, ну и там же и

разлагаются, питая своим соком растение. Еще по дороге феникс показал нам пару мухоловок и растение под названием «рыбий пузырь». Тоже хищное и очень опасное, причем не только для насекомых, но и мелких птичек, которые порой в этот пузырь попадают.

Короче, нам дали наглядно убедиться, что в этом лесу стоит быть начеку. А мне еще подумалось: «Если тут растения такие хищные, то какие же тут животные? И что будет, если мы на кого-нибудь наткнемся?» Надеюсь, Фауст сумеет нас защитить. Иначе бы он не рискнул нас сюда привести, ведь так?

Возможность убедиться в способностях феникса появилась довольно скоро. Мы петляли меж деревьев, стараясь не цепляться за лианы, как перед нами открылся довольно обширный перелесок. Широкий, просторный. Я уже обрадовалась, что наконец пойдем с комфортом — жуть как надоело пробираться через заросли.

Но Фауст вдруг резко остановился. Присел на корточки и сорвал с земли тонкий сероватый стебелек, пропустил его меж пальцев, и тот пеплом рассыпался в руках.

— Стойте тут, — скомандовал феникс и сделал несколько шагов вперед. Мы с сестрой послушно замерли, во все глаза следя за нашим проводником.

Мужчина вновь опустился к земле и перетер в руках какое-то растение. Послышались негромкие ругательства.

— Уходим отсюда, — раздраженно выплюнул Фауст, вернувшись обратно. — Придется сделать крюк.

— Почему? — поинтересовалась я и немного загрустила — возвращаться в дремучие заросли совсем не хотелось.

— Там проходит зона обитания василиска. Видела, как стебелек прахом рассыпался? От дыхания василиска никнут травы и иссушаются деревья. — Я оглянулась назад, к перелеску, и обнаружила, что там и правда много сухих деревьев. Темных, безжизненных, тянувших крючковатые сухие ветки к небу.

— А от взгляда каменеет все живое? — опасливо спросила Стаська.

— Нуу. Это скорее миф. Да и дело не во взгляде, а во вредных испарениях, что исходят от его кожи. Они иссушают. И если находиться достаточно близко или, того хуже, прикоснуться, то ничего хорошего точно не выйдет.

В общем, крюк нам пришлось сделать внушительный. Фауст постоянно трогал траву, изучал деревья и даже принюхивался, выбирая дорогу. Настоящий следопыт, ей-богу. Хотя не исключено, что он и впрямь этому обучался. Да и все же это его родной мир. Должен же он в нем ориентироваться.

Спустя пару часов Стаська стала проситься на привал. Я тоже изрядно устала, но, в отличие от мелкой, останавливаться в столь недружелюбном месте у меня не было никакого желания. И я бы поддержала феникса в решении идти дальше, если бы не одно веское «но». Мне банально приспичило «в кустики».

— Эммм, Фауст, мне бы отойти... — несмело попросилась я, оглядывая ближайшие заросли.

— Хорошо, — сразу понял намек пернатый и тоже покрутил головой, проверяя местность на наличие опасности. — Иди направо, — распорядился наш предводитель.

Ну, я и пошла направо. Феникс в тот момент стоял лицом ко мне, и кто ж знал, что он имел в виду свое право, в то время как я свернула в свое. В общем, обогнула дерево, перешагнула через торчащий из земли корень, перелезла через бурелом, стараясь найти более-менее удобное местечко, так, чтобы меня не было видно попутчикам и чтобы в попу

ничего ненароком не воткнулось. И если с первым еще можно было справиться, то вот со вторым было проблематично. Под ноги попадались сплошные ветки, будто кто специально хворост для костра набросал. Невезение просто какое-то.

А потом до меня донеслось:

— Люб, ты где? Ты не туда свернула.

И прямо за спиной раздался хруст ветки. Я мгновенно обернулась, решив, что это Фауст меня нагнал, и чуть не завизжала от страха, когда встретила взглядом с желтыми, перечеркнутыми вертикальным зрачком глазами.

Передо мной сидел дракон. Натуральный. Разве что размером не вышел. Настоящие драконы-то должны быть явно выше человеческого роста, а этот размером с королевского пуделя, не больше.

Но все равно, вид у него был устрашающий. Вытянутая морда на длинной подвижной шее. Острые иглоподобные зубы. Ноги почему-то две, вместо положенных четырех. А на месте передней пары конечностей небольшие, явно недоразвитые, крылья. С такими точно далеко не улетишь. Не поднимут увесистую тушку. Остается разве что хлопать ими по воздуху, словно боевому петуху, ввязавшемуся в драку.

— Люба, не двигайся, — раздалось откуда-то сбоку, и, скосив глаза, я увидела стоящего в десятке метров Фауста, который медленно тянулся к поясу штанов. — Это карликовая виверна. Будь внимательна, у нее ядовитое шило на хвосте.

До этого момента я как-то опасалась зубов и изогнутых когтей на мощных лапах, но, переведя взгляд на хвост с острой иглой-наконечником, поняла, что боялась совершенно не того. Хвост у виверны был длиннющий. И очень подвижный. Так и извивался вокруг тела рептилии. И при желании она могла запросто меня им достать.

Захотелось драпануть. Очень так. И не важно, в какую сторону. Но я старалась сохранять спокойствие и действовать благоразумно. И сейчас мое благоразумие подсказывало, что стоит положиться на блондина, тем более что тот потихоньку вытягивал из-за пояса короткий кинжал.

Виверна гнула шею и настороженно пялилась, то на меня, то на феникса. Видимо, решала, кто из нас вкуснее. Или на кого кинуться первого. И так как я стояла ближе, то было вполне очевидно, что добычей выберут меня.

— Так, Люба, на счет «три» резко пригнись вниз, поняла? — вполголоса и очень спокойно попросил феникс.

— Зачем? — пискнула я. Виверне мой писк не понравился. Она ощерилась и с силой хлестнула хвостом по земле.

— Отвлечь внимание. Эти твари, зараза, очень шустрые. Не хочу спугнуть. Но ты не волнуйся, я прикончу ее раньше, чем она до тебя доберется, — успокоил пернатый.

— Хорошо, — прошептала я, не отрывая глаз от опасной иглы на кончике нервно подергивающегося хвоста.

— Раз, два... три!

И я резко присела вниз и зажмурилась. Кинжал Фауста со свистом прорезал воздух, пролетев буквально в метре от меня, а когда я распахнула глаза, он уже красовался в глазнице убитой рептилии, игриво поблескивая зелененьким камушком на рукояти.

Фуух! Пронесло. А блондин-то меткий, оказывается!

Я облегченно вздохнула, поднялась с земли и уже сделала шаг по направлению к своему спасителю, как рядом раздалось злобное шипение.

Резко развернулась, позабыв о том, что в опасной ситуации лучше замереть на месте, и узрела еще одну виверну размером чуть покрупнее, что выбросила наконечник хвоста в мою сторону.

Все произошло столь молниеносно, что я даже дернуться не успела. Просто почувствовала короткий укол в шею. Совсем не страшный. Будто оса укусила. Только вот от укусов осы колени не слабеют и земля не уходит из-под ног. И повстречаться бы мне носом с этой самой землей, если бы меня очень вовремя не поймали крепкие сильные руки.

Фауст.

Последнее, что помню, — мужчина прижимает полуобморочную меня к своей груди и впивается в шею жесткими губами.

Глава 3

Мировое соглашение

Проснулась я среди ночи. Совсем рядом горел костер. Он освещал небольшую круглую полянку, выхватывая из темноты стволы ближайших деревьев, пристроенные меж корней вещи и два небольших котелка, греющих бока у жаркого огня. С противоположной стороны, с носом закутавшись в спальник, тихонько сопела Стаська. Фауст обнаружился неподалеку. Блондин сидел, опираясь спиной о дерево. Веки его были смежены, и я решила, что он тоже задремал.

Я же чувствовала себя вполне выспавшейся. Пошевелилась, пытаюсь сесть, но с первого раза не вышло. Тело было словно чугунное, голова тяжелая. Пришлось тут же за нее схватиться и придержать, дабы не оторвалась ненароком.

— Проснулась? — тут же услышала тихий голос.

Ничего себе у феникса чуткий сон! Или, может, он и не спал вовсе?

Фауст поднялся и подошел к котелку, налил в жестяную кружку какой-то дымящийся жидкости и протянул мне.

— На, выпей, это лекарство.

Я повела носом над кружкой и поняла, что выпить этого не смогу. Жалобно глянула на мужчину.

— Люб, надо. Иначе завтра ты будешь не способна передвигаться. А мы и так прилично отстали.

Мужчина сел ближе, подставил плечо, позволяя на него опереться, и придвинул кружку к губам.

— Горячо... — пискнула я, глядя на густой дым, что валил из емкости.

Фауст ехидно выгнул светлую бровь, перехватил кружку и сам сделал маленький глоток.

— Нормально, не горячее, — опроверг мои ожидания блондин.

Я задержала дыхание и решительно глотнула лекарство. Собственно, меня на один глоток и хватило. Желудок мгновенно взбунтовался, и меня тотчас вывернуло. Только и успела, что отвернуться в противоположную сторону.

Черт! Как мерзко-то. И Фауст, как назло, рядом и все видит. Блондин тотчас протянул мне платок.

— Не смотри, — буркнула я, принимая тряпицу и впопыхах вытирая рот.

— Да ладно тебе, — мягко отозвался мужчина. — Меня самого сегодня только трижды вывернуло.

— Почему? — не сообразила я. Вроде ж феникса виверны не жалили... Или я что-то пропустила?

— Яд попал в желудок, — пояснил блондин.

Я тут же прикинула, каким образом он мог туда попасть, и смутилась от внезапной догадки.

— Ты что, яд отсасывал?

— Конечно, — ответил Фауст, будто это было что-то само собой разумеющееся, а я коснулась шеи и обнаружила под пальцами узкую тряпичную повязку.

Место укола здорово саднило. Дотронуться больно. А при том, что Фауст отсасывал яд,

помимо ранки там наверняка еще и здоровенный синяк, в простонародье называемый засосом. А значит, лучше пока походить в повязке.

— Надо допить. — Фауст вновь протянул мне кружку с мерзким лекарством, и я скривилась, показывая свое к нему отношение. В смысле, не к фениксу, а к пойлу. — Люб, надо, чтобы хоть что-то попало внутрь. Ну хоть половинку. Не могу же я и завтра тащить тебя на себе.

Последний аргумент оказался весомым, потому как феникса стало попросту жалко. Мало того что сумки пер, — насколько я успела заметить, поклажа присутствовала в полном объеме, — так еще и обморочную меня тащил. И, судя по всему, спать сегодня даже не ложился.

Короче, собралась с силами и влила в себя столько, сколько могла. Занюхала горечь рукавом, и, слава богу, назад больше ничего не полезло. Недопитые остатки опрокинул в себя Фауст. Тоже сморщился и тоже занюхал рукавом. Видимо, феникс, как и я, лечил последствия знакомства с ядом виверны.

— Как самочувствие? — закончив с лечением, спросил Фауст.

— Хреново, — честно ответила я, все еще с трудом владея своим телом.

— Ничего, скоро полегчает, — уверил меня блондин. — Есть хочешь?

Прислушалась к ощущениям и поняла — хочу! Еще как!

Дальше меня накормили каким-то мясным бульоном с мелко порубленной картошечкой. Откуда взялись продукты, я особо не задумывалась. Мясо у нас с собой было только копченое, а картошку мы всю, кажется, еще за обедом слопали. Хотя, кто знает, может, что и завалялось.

Все то время, пока ела, феникс не сводил с меня пристального взгляда. Внимательного, изучающего и даже какого-то запоминающего.

— Что? — спросила я, чувствуя, что за этим кроется невысказанный вопрос.

Феникс отрицательно мотнул головой и уставился на свои сцепленные пальцы.

— Ничего... — ответил тихонько, а потом так же тихо добавил: — Не пугай меня так больше, хорошо?

Проглоченная картофелина комом встала в горле. Пришлось запить бульоном, чтобы протолкнуть ее дальше. И только после этого я ответила:

— Извини... — Почему-то стало стыдно. Нет, не за свои поступки. Но за то, сколько неприятностей доставила своим попутчикам. — Я ведь не специально на них напоролась...

— Знаю. Я сам виноват. Надо было подробно рассказать, какие могут встретиться опасности. Ты ведь в самое их гнездо залезла и даже не поняла этого...

О! Так вот что это за хвост разбросанный был. А я думала, просто бурелом под ногами.

— Так почему не рассказал? — задала закономерный вопрос я.

Феникс пожал плечами и глянул виновато.

— Не придавал этому значения. Думал, что смогу от всего оградить. — И горестно вздохнул: — Дурак...

Да, и вправду дурак. Но он хотя бы признал свою ошибку. Это уже хорошо. И вселяет надежду на то, что блондин исправится.

— Давай договоримся, что ты не будешь больше от нас ничего скрывать? Все же мы в одной упряжке сейчас. И рисковать понапрасну не стоит.

— Хорошо, я постараюсь, — честно пообещал Фауст.

А мне подумалось, раз у нас с ним сейчас нарисовался такой откровенный разговор, почему бы сразу все не выяснить. Все же эти наши постоянные перепалки не идут на пользу общему делу. И пора бы уже разобраться, что между нами происходит и что он от меня скрывает.

— Кстати, к вопросу о тайнах, — уверенно начала я, а Фауст поднял на меня заинтересованный взгляд. — О чем вы все-таки говорили с отцом? Перед нашим отъездом.

— Это не важно... — попытался уйти от ответа феникс. Но я не собиралась давать ему спуска. Сколько уже можно откладывать, право слово?

— Важно! Потому как ты после этого разговора стал словно замороженным! А нам со Стасей нужен адекватный попутчик и защитник, а не ледышка, которая время от времени вдруг взрывается! — честно высказала свое мнение.

Блондин слегка смутился. Губы поджал и брови светлые нахмурил. Думал. А может, пытался облечь в слова собственные мысли. Но судя по тому, сколько он молчал, сделать это у него никак не получалось.

— Ну неужели так трудно ответить? — устало спросила я. Блин, я ведь и вправду устала от этого недопонимания. — Знаешь, как мне это все надоело...

— Что надоело? — сделал вид, что не понимает, о чем речь, феникс.

— То, что тебя бросает из крайности в крайность!

— Я не специально... — попробовал оправдаться Фауст, все еще не ответив на поставленный вопрос.

— Так о чем вы говорили? — напомнила ему.

— О тебе... — наконец соизволил ответить блондин.

Вот только такой ответ меня совершенно не устраивал.

— Это я уже поняла. О чем конкретно?

— О моем отношении к тебе.

Во-от. Это уже хоть что-то. Только почему из него все словно клещами вытягивать приходится? Стоило мне об этом подумать, как феникс глубоко вдохнул и сам продолжил:

— Видишь ли, отец оказался крайне прозорливым. И хоть я и старался скрыть свои чувства, он каким-то образом догадался, что я к тебе неравнодушен.

Ну вот, признался. Я так долго этого ждала, но... легче от этого признания почему-то не стало. Чувствовала, что между нами что-то стоит. Могучее, непроницаемое... Непреодолимая преграда, воздвигнутая отнюдь не нами. И вместо того чтобы порадоваться, что мои чувства не безответны, я лишь приуныла. Горько сделалось, и опять в горле встал ком, который я еле-еле сглотнула.

— И что он на это сказал? — с трудом выдавила я.

— Чтобы я оставил эти глупые мысли.

Ну, конечно. А чего еще можно было ожидать? Я Фаусту не пара. Глупо было бы надеяться, что его семья меня одобрит. Он феникс, наследник влиятельного рода. И ему нужна такая же чистокровная, как и он сам. А кто я? Простой человек. Разве я могу быть такому парой?

— Ну да, я ведь просто человек, — буркнула я себе под нос, собираясь закруглить бессмысленный разговор.

Но Фауст услышал.

— При чем тут это? — неожиданно вспыхнул мужчина.

— А что при чем?! — в ответ вспыхнула я.

— Люба, неужели ты не понимаешь?! — почти что крикнул Фауст, а я от злости сжала зубы. Опять он на меня орет. Опять обвиняет не пойми в чем, в том числе и в отсутствии мозгов. — Не понимаешь, что у нас не может быть совместного будущего? Через несколько дней ты вернешься в свой гребаный мир. А я останусь тут! И скорее всего мы больше никогда не увидимся. Понимаешь, никогда...

Так вот он о чем... И... конечно, я об этом знаю. И все понимаю. Но, признаться честно, я старалась об этом не думать. Гнала от себя печальные мысли и в какой-то степени жила в иллюзорном, радужном мире, где не существовало непреодолимых обстоятельств. И потому я позволила себе влюбиться. Позволила себе думать, что между нами может что-то быть. Надеялась, что все разрешится. Что мы что-то придумаем.

— И что, ничего нельзя сделать? — спросила я неуверенно, где-то на уровне интуиции ощущая, что ничего хорошего мне не скажут.

— Почему же, можно, — уже более-менее спокойно отозвался Фауст, с трудом восстанавливающий дыхание после недавнего всплеска эмоций. — Можно попробовать договориться с богиней. Вот только все имеет свою цену. И озвучивая просьбу, ты должна быть готова к тому, что назад пути не будет. Что это на всю жизнь. Ты готова сделать выбор на всю оставшуюся жизнь?

Готова ли я? Навсегда покинуть дом, семью, родных и друзей. Оставить привычный уклад жизни, учебу в университете. Шопинг по выходным и путешествия по жарким странам. Вечеринки в компании друзей и любимые рок-концерты. Променять все, что у меня есть в родном мире, на Фауста. Нет, даже не так. На призрачный шанс, что мы с Фаустом будем вместе. Что нам позволят. Что он не перегорит, когда получит меня в полное распоряжение.

Да, я ему не безразлична. Но ведь речь не идет о любви до гроба. Да и до чьего гроба? Явно моего. У феникса-то четыре жизни. И каждая эдак лет по триста. Да и, по сути, что меня здесь ждет? Лет через десять-пятнадцать я начну стремительно стареть. Увядать, как вянут на окне некогда красивые и полные жизни цветы. Он же будет по-прежнему молод и красив. И зачем я такая ему буду нужна? Или все же буду?

— А ты? — вопросом на вопрос ответила я.

Фауст замялся. Вздохнул тяжело, и по одному этому вздоху я поняла, что ни о какой любви до гроба речи не идет.

— Ох, Люба. Мы ведь знакомы с тобой всего несколько дней. И я не уверен...

Я не дала ему договорить.

— Все понятно. Не продолжай. Я тоже не уверена.

Сказала все как есть. Неправильно будет упрекать Фауста в отсутствии сильных чувств, когда в своих-то не уверена. Мы ведь и вправду знакомы всего ничего. Да, за этот срок немало всего произошло. Но, по большому счету, я слишком плохо его знаю. Да и он меня. И принимать важные решения в такой ситуации просто нелогично.

Чувства чувствами, но разум тоже необходимо включать. И мой говорит, что феникс полностью прав. Вряд ли у наших отношений есть будущее.

Я загрустила. Совсем. Склонила голову и уставилась на пляшущие язычки огня. Красивые, завораживающие, но обжигающие до боли, если к ним прикоснуться. Так и моя мечта. В целом такая красивая и такая желанная. Но если начать рассматривать детали, то не увидишь ничего, кроме грядущих разочарований.

Горько. Грустно. И хочется тихонько поскулить и поплакать о своих несбыточных

чаяниях, разрушенных грезах и разбитых мечтах. А еще пострадать на тему собственной никчемности и нерешительности, потому что я вряд ли способна повлиять на ситуацию.

— Люб... — Фауст уловил мое настроение. Склонился ко мне и коснулся рукой подбородка. Заставил поднять лицо и посмотреть ему в глаза — сейчас совершенно темные, с мягко мерцающими серебристыми всполохами, будто звездами, рассыпанными по небосводу. — Не грусти, пожалуйста.

Я кивнула и попыталась высвободиться. Не дал. Лишь с нажимом провел большим пальцем по подбородку.

— Меня очень к тебе тянет, поверь... Но лучше уж сейчас перетерпеть и не заводить все слишком далеко, чем потом испытывать мучительную боль разлуки.

— Ты прав, — полностью согласилась с его словами я и все же высвободилась из хватки длинных цепких пальцев. — А я, наверное, слишком наивная.

Да, наивная, глупая и совершенно несдержанная. Вспомнила свое поведение за прошедшие сутки, и стало мучительно стыдно. Фауст пытался держаться на расстоянии. Ради нас же. Ради меня. А что я? Изводила его, как могла? Дура.

— Фауст... Извини меня... — решила сразу попросить прощения за свое неподобающее поведение. Пусть знает, я тоже умею признавать ошибки.

— За что? — всерьез удивился блондин.

— Я в последнее время вела себя... не очень красиво. Я больше так не буду.

Феникс усмехнулся. Понял, о чем я.

— Да уж, постарайся. У меня от твоих провокаций крышу сносит и мозг перемещается... сама знаешь, куда...

— А ты перестань язвить, — в свою очередь потребовала я. — У меня от твоих колкостей... у меня... Зверь во мне просыпается!

— Вот тут не могу ничего обещать, — вдруг заявил феникс и пакостно улыбнулся. С меня моментом схлынуло горестно-страдальческое настроение, и на поверхность поднялось праведное возмущение.

Я, значит, тут извиняюсь, обещаю ему быть пайнкой. А он даже навстречу пойти не пытается!

— Это еще почему?

— Видишь ли... Я не совсем могу это контролировать. Это что-то вроде защитной реакции...

— В смысле? — не поняла я.

— Нууу... Понимаешь, некоторые личности, когда их что-то сильно волнует или беспокоит, частенько пытаются скрыть свои эмоции за показным равнодушием или, напротив, неуместными шутками и колкостями. Вот у меня похожая ситуация. И поделать я с собой ничего не могу. Я старался, честно. Но оно само вылезает.

— Прелестно... — протянула я, а потом подумала-подумала и пришла к выводу, что в таком поведении тоже могут быть свои положительные моменты. — Ладно, буду иметь в виду, что, когда у тебя вырывается очередная гадость, ты крайне неравнодушен к ситуации, — усмехнулась я.

— Так нечестно, — насупился пернатый.

— Честно-честно. Так что язви себе в удовольствие, — хмыкнув, великодушно позволила я.

На этом наш увлекательный разговор пришлось прервать, так как из лесной темноты

вдруг донесся протяжный вой, от которого мурашки побежали по спине. Я непроизвольно дернулась и вцепилась в плечо блондину.

— Чччто это? — заплетающимся от страха языком пролепетала я.

Следом за первым воем раздался второй. Уже более близкий и прямо-таки холодящий душу. Мамочки.

Кажется, мои пальцы на мужском плече сжались слишком сильно, потому что Фауст вдруг зашипел и попытался отодрать от себя мои цепкие ручки.

— Это дикие псы, — спокойно сообщил феникс, держа напуганную меня за обе руки, которые так и норовили вцепиться в какую-нибудь часть его тела. — Не бойся, они не подойдут близко, — сказал он уверенно и успокаивающе погладил меня по плечу.

Я попыталась вспомнить, что знаю о повадках диких зверей, и предположила:

— Они огня боятся?

— И огня тоже. А вообще, я на всякий случай защитный контур вокруг нашего лагеря поставил, так что ни одна тварь к нам не сунется. А если и сунется, то получит электрическим разрядом по любопытной морде, — радостно улыбнулся блондин.

От этого пояснения мне заметно полегчало. И хотя ночную тишину то и дело прорезали завывания, теперь они не казались столь пугающими, как раньше. А Стаська, та и вовсе их не замечала. Перевернулась себе на другой бок и продолжила тихонько посапывать во сне.

Глядя на нее, я широко зевнула и поёжилась. Странно, вроде проснулась бодрячком, а теперь обратно в сон клонит. Телу уже стало заметно легче, ушла чуждость и неповоротливость, а потому я позволила себе сладко потянуться и потереть слипающиеся глаза.

— Давай спать, — внесла конструктивное предложение я.

— Давай, — согласился блондин, которого и самого уже клонило в сон. — Ложись.

Я по самый нос завернулась в спальник и свернулась калачиком. Не знаю, как сестрица не мерзла, а вот мне было прохладно. От костра шло уже совсем робкое тепло. А за спиной так вообще сквозняки гуляли. Положить бы туда что-нибудь... Мягкое и горячее. И блондинистое...

— Фауст, ляжешь рядом? — осмелилась попросить я.

— Люб... — мужчина глянул на меня укоризненно. — Мы ж договорились, что ты не будешь провоцировать.

Да помню я, помню. Но мерзнуть-то тоже не хочется.

— Холодно... — попробовала оправдаться я, на что феникс тяжело вздохнул и выдал:

— Я подложу дров в костер.

Фауст метнулся куда-то в сторону и вернулся с двумя поленьями, которые почти сразу занялись в огне. Лицу стало жарче. И даже пришлось чуть отодвинуться. Вот только сквознячок за спиной никуда не делся. Не простудиться бы... Но свои мысли пришлось оставить при себе. Обещала ведь, что не буду провоцировать, надо держать слово. И не ныть. В конце концов, у меня волшебное колечко, и, скорее всего, заболеть с ним мне не грозит.

Прикрыла глаза и попыталась уснуть. Фауст же, судя по шуму, наматывал круги по полянке. Шебуршал чем-то в сумке. Приоткрыв один глаз, обнаружила, что он подтащил еще пару поленьев к костру, видимо, чтобы ночью далеко ходить не пришлось.

А потом произошло нечто весьма неожиданное.

— Предложение еще в силе? — спросил мужчина и, не дожидаясь позволения, лег за моей спиной.

Я от такого поворота событий малость офигела. Нет, ну он же только что просил не провоцировать. А уже через пять минут сам пристроился рядом. И руку в спальник просунул.

— Поделишься? Я свой Стаське отдал...

Ага, как же! Помнится, третьего Фауст вовсе не брал.

Нет, ну мне не жалко, конечно... Перевернулась, позволяя фениксу расстегнуть замок. На двоих спальник явно не был рассчитан, а потому фениксу пришлось развернуть его и использовать на манер одеяла, вплотную придвинувшись ко мне сзади.

А спинке сразу так тепло стало. Так уютно. Хорошоооо...

А когда его рука скользнула мне на талию, обняла и притиснула ближе к крепкому мужскому телу, стало ну просто идеально.

Нет, какой же он все-таки непостоянный. То говорит «давай не будем». То сам же обниматься лезет. Этих мужиков не понять!

Ну и я подумала, раз уж он позволяет себе такие вольности, то и мне чуть-чуть можно. Перехватила большую горячую ладонь, что лежала на талии, и, подтянув поближе, легонько погладила выдающиеся костяшки.

— Люююб... — тут же раздалось над ухом. — Ты домой хочешь?

Эммм. Мы же вроде это уже обсуждали.

— Хххочу...

— Тогда прекращай, — велел Фауст и аккуратно высвободил свою ладонь из моих пальцев.

Н-да... Очень непостоянный!

Глава 4

Уроки самообороны

Проснулась я утром. Причем, судя по светлому голубому небу над головой, отнюдь не ранним. В костре дотлевали последние теплые угли. Но солнышко, проглядывающее меж широкоствольных деревьев, потихоньку согревало озябшую ото сна землю.

Фауста рядом не было.

Не знаю, стоило ли радоваться этому или, напротив, огорчаться. С одной стороны, вроде и тоскливо, что он ушел, — все же в кольце крепких мужских рук было на диво уютно. А с другой — его уход избавил нас от неудобных разговоров. Ведь если вчера, под пологом ночи, было легко откровенничать, то сейчас это казалось весьма неуместным.

Ну, значит, так тому и быть.

Я потянулась и с радостью обнаружила, что от вчерашней тяжести и неповоротливости не осталось и следа. Разве что ранка на шее немного саднила. Но если не акцентировать на ней внимание, то боль становилась и вовсе незаметной.

Стянула с себя одеяло и резво села. Хорошо! Воздух чистый, пахнувший терпкой сосновой смолой и свежей хвоей. И полянка эта светлая, уютная. Совсем не похожая на те места, которые мы проходили вчера.

А Стаська все еще спит. Забавно приоткрыв рот и широко раскинув в стороны руки. Еще совсем ребенок. И спать до полудня ей позволительно, пусть и легла она раньше всех.

А вот где страдающий бессонницей блондин?

Ранняя птичка обнаружилась за ближайшими кустами. И, пожалуй, я еще никогда не видела его таким... Босой, без рубашки, с волосами, собранными в высокий хвост, и двумя узкими мечами в руках.

Кажется, блондин тренировался. Даже не так. Танцевал с клинками. А я застыла, спрятавшись в тени широкого ствола, и наблюдала за ним, словно заворожённая.

Боже, что же он вытворял...

Я такого даже по телику ни разу не видела.

Движения резкие, отточенные. Настолько стремительные, что я не успевала уловить их взглядом. Свист рассекаемого воздуха. Блеск холодной стали и пляшущие на гладкой поверхности блики. Поворот. Прыжок. Резкий выпад. Выброшенный вперед клинок, что буквально вспорол лезвием воздух. Будь этот самый воздух чуть гуще, плотнее, наверняка бы осыпался осколками к ногам феникса.

Фауст же кромсал, резал, бил. Гибкий, верткий и в то же время негибкий, как холодная сталь в его руках. И светлые длинные волосы то взмывали вверх, то опадали, хлестали по спине, били по лицу, но при этом, казалось, совершенно не мешали своему обладателю, лишь добавляли динамичности, зрелищности общей картине.

А я восторгалась. В открытую глазела на него, не скрывая эмоций, и даже челюсть удержать не пыталась. Благо блондин был столь сильно занят тренировкой, что не замечал меня, замершую у дерева и бесстыдно пляшущую на полуобнаженное мужское тело.

Такое тело... Уммм... Тренированное, поджарое, напряженное, с буграми каменных мышц, перекачивающихся под загорелой кожей. И жилами вен, проступивших на руках и не позволяющих усомниться в том, что хватка на рукоятях мечей и впрямь стальная.

А когда Фауст, не выпуская оружия, совершил пережат по земле, а потом подпрыгнул и крутанулся в воздухе, сердце мое окончательно ухнуло вниз, и я следом за ним мягко сползла по гладкому стволу на землю, тупо улыбаясь и глядя на мужчину прямо-таки влюблёнными глазами.

Вот только феникс, к моему огорчению, заметил это движение, резко повернулся и замер, выставив перед собой оба клинка. А когда понял, что опасности нет, убрал мечи за пояс и подошел ко мне.

— Уже проснулась? — спросил он и глянул на все еще тупо лыбящуюся меня внимательным, изучающим взглядом. — Люба, тебе что, плохо? — и присел передо мной на корточки.

Ох, мммаочки...

И зачем он только приблизился?

Терпкий запах пота. Влажная кожа. Частое тяжелое дыхание. Мелкие прядки волос, выбившиеся из хвоста, прилипшие ко лбу и взмокшей шее. Красивый, соблазнительный до одури.

Чудом удержалась от того, чтобы не прикоснуться к нему. Прильнуть к влажному горячему телу, почувствовать грохот сердца под прижатой к груди ладонью.

Чертова договоренность. Лучше бы мы вчера и вовсе не разговаривали. Тогда можно было бы смело на него сейчас накинуться и списать все на дурное воспитание, или помутнение рассудка, или... да не важно, на что. Главное, совесть моя была бы чиста. А так... я ж вроде обещала, ну, не провоцировать.

— Нет, все хорошо. Все прекрасно, — ответила я и улыбнулась еще шире.

Фауст хмыкнул.

— Точно?

— Ага, — кивнула я, стараясь смотреть исключительно в глаза мужчине. Но взгляд так и норовил спуститься ниже. И в какой-то момент я его не удержала.

А блондин, поняв причину моего замешательства, тут же встал и прошел к противоположной стороне дерева. Снял с ветки свою рубашку и накинул на мокрые плечи.

Та сразу прилипла, впитывая в себя влагу. Облепила крепкое мускулистое тело. Фауст дернул ткань, пытаясь хоть немного ее отстранить, и задумчиво произнес:

— Н-да... Не самая хорошая была идея.

А мне тут же захотелось яростно закивать и согласиться с его словами. Без рубашки ведь было лучше. Вот реально, лучше. А если еще штанишки снять... Ой, мама... Что-то я не о том думаю, с утра-то пораньше...

Решительно тряхнула головой, прогоняя прочь развратные мыслишки. Так, надо срочно на что-то переключиться. Вот только на что? Обвела взглядом ковыряющегося с мелкими пуговками Фауста. От длинных цепких пальцев спустилась к поясу и обнаружила там... Нет, не то, о чем вы подумали. Там были мечи, и мне в голову пришла ну просто гениальная идея.

— Слушай! — радостно воскликнула я, вскакивая на ноги. — Ты ведь обещал научить меня драться!

— Драться? — насмешливо изогнул бровь Фауст.

— Еще скажи, что такого не было, — фыркнула я. Нет, ну правда же, обещал. Чего теперь выпендривается?

— Было, — не стал отрицать блондин. — Только я обещал с тобой потренироваться. А вот ЧТО мы будем тренировать... это другой вопрос, — как-то очень многозначительно

произнес блондин, и по его губам расплзлась порочная улыбочка.

А мне в голову опять полезли неприличные мысли, которые я чуть ли не пинком оттуда выгнала.

Да что ж это такое?! То ведет себя, как образец порядочности и хорошего воспитания — спешит облачиться в рубашку, дабы не щеголять перед дамой с голым торсом. То демонстрирует прямо-таки вопиющую распушенность. Или это опять, того... непонятная защитная реакция, которую он не может контролировать. Но в таком случае что он пытается за ней скрыть? Какие чувства и эмоции?

— Люююб... Ты о чем задумалась? — вырвал из пагубных мыслей опять ставший насмешливым голос.

— А? Чего? — опомнилась я.

— Палку, говорю, бери, — хмыкнул феникс и указал взглядом на здоровенную такую дубину, лежащую под ногами.

— А разве мы не на мечях будем тренироваться? — с недоумением воззрилась я на Фауста, аккуратно откладывающего клинки в сторонку.

— Люююбочка. Тебе вчерашних приключений мало было? Хочешь совсем покалечиться? — одарил меня лукавым синим взглядом феникс и поднял с земли... шишку!

Сосновую. Большую. С плотно прижатыми, закрытыми чешуйками и заостренным наконечником. Наверно, больно будет такой получить по заду...

— Ой! — взвизгнула я и подскочила от неожиданного удара, пришедшегося как раз по мягкому месту. Вот засранец!

— Не зевай! — хмыкнул блондин и подкинул в руке очередной снаряд.

Что-то я не поняла...

— Это ты мне мстишь за то, что я тебя яблоками закидала? — возмутилась я.

— Это я тебя тренирую! — возразил Фауст и вновь швырнул в меня шишкой.

На сей раз я успела отскочить. И от следующей тоже ловко увернулась. А дальше посыпался целый град снарядов. И где он их только набрал в таком количестве?

В итоге меня все же зацепило. Одна шишка сильно саданула по плечу, а другая задела лодыжку. Я зашипела и потеряла плечо, недобро глянув на блондина. Тот же по-прежнему ухмылялся и извиняться даже не думал, а вместо этого поспешил меня отчитать.

— Так и будешь скакать или все же возьмешь палку и станешь отбиваться? — спросил Фауст, насмешливо выгнув светлую бровь.

— Я не пойму, мы в бейсбол учимся играть или обороняться? — с претензией накинулась на этого недотренера. Он бы мне еще предложил эти шишки ловить! Крайне полезно было бы.

— Бей... чего? — не понял блондин.

— Бейсбол. Игра такая, где нужно мяч отбивать.

— Не знаю, как насчет игры, но мы сейчас тренируем твою реакцию. Чего тебе, кстати, вчера очень не хватило.

Хмм, это он намекает на то, что, если бы я была порасторопнее, виверна бы меня не уколола. Ну, может, в чем-то он и прав. Но я же не метеорит, чтобы ТАК быстро двигаться. И вообще, палка-то мне как поможет?!

— По-твоему, отбивать шишки проще, чем от них уворачиваться? — привела последний имеющийся довод, чтобы не брать в руки это бревно.

Палка была толстенная и наверняка тяжелая, оттого и желания за нее хвататься не было

никакого.

— Когда их летит сразу несколько — да. Ну, или можно совместить. Часть отбиваешь, от остальных уворачиваешься.

— Ладно, ладно. Только я себе другую палочку подберу, не против?

Сладенько улыбнулась и, не дожидаясь ответа, стала шарить взглядом по земле в поисках чего-нибудь приемлемого. В какой-то момент повернулась к фениксу спиной и в тот же миг вновь получила шишкой по задку.

— Быстрее давай, — поторопил блондин, и боковым зрением я увидела, как он замахивается для очередного броска.

Блин, достал! Схватила с земли первую попавшуюся ветку, в последний момент обернулась и лупанула по летящей шишке. Та отскочила от палки, полетела в обратном направлении и угодила блондину прямо в лоб! Он пошатнулся, схватился за голову и, накренившись, сел в траву.

Ой, мама...

Тут же швырнула в сторону свою импровизированную битку и кинулась к держащемуся за лоб блондину. Села перед ним на колени и, не спрашивая позволения, отвела в сторону его ладонь. Взглянула и сразу поняла — дело дрянь! Ибо на лбу Фауста отчетливо отпечатался след от шишки, да и кожа была покрасневшая и воспаленная. Н-да... шишак ему точно обеспечен. Но это не страшно, главное, чтобы мозги остались на месте.

— Пожалуй, ты права, — как-то заторможенно проговорил Фауст, все еще усиленно моргая и качая головой. — Играть в бейсбол смысла нет...

О, уже и правоту мою признает. Точно последние мозги вышибла!

— Ты как? — спросила участливо, легонько поглаживая место удара.

— Нормально... Если не брать во внимание звездочки, мельтешащие перед глазами.

— Надо холодное приложить. Я принесу.

Тут же подорвалась с места и собралась бежать к вещам — вряд ли бы я нашла там что-то холодное, но поискать стоило, — как Фауст дернул меня за рукав, останавливая.

— Забудь. Не надо, — воспротивился мужчина и, поморщившись от боли, добавил: — Я сам.

Что «я сам», в тот момент не поняла, но покорно остановилась и стала наблюдать за фениксом. Тот же вновь приложил ладонь ко лбу и шепнул пару непонятных слов, после чего кончики его пальцев засветились голубым, и это мягкое сияние перетекло на раненый лоб, а спустя еще секунду и вовсе впиталось в кожу.

— Ты что, вылечил себя? — высказала свое предположение, с изумлением глядя на поднимающегося с земли Фауста. Лоб у него по-прежнему был красным и воспаленным, но теперь феникс держался на ногах вполне уверенно.

— Нет, всего лишь снял боль. Лечить я не умею.

— Эээ. А в чем тогда смысл? — не поняла я.

Нет, понятное дело, что, когда что-то болит, это неприятно. Но бороться с симптомами и не уделять внимания самой причине плохого самочувствия в корне неверно. Боль — это ведь своего рода защитный механизм организма, который подает сигнал о том, что этот самый организм в опасности.

— Смысл в том, чтобы оставаться дееспособным, — нравоучительным тоном заявил Фауст, отряхивая со штанов мелкие налипшие иголки и мусор. — В военной академии всех этому учат.

— Лучше бы учили лечить, — высказала свою точку зрения.

— Лечить сложно. К тому же помимо сил это требует еще и немалых знаний в области медицины. Этому всю жизнь учатся. Такое с наскока не возьмешь. А вот просто снять боль, убрав чувствительность, довольно просто и бывает крайне полезно.

— И чем же полезно?

Фауст страдальчески вздохнул, и я приготовилась к тому, что он сейчас привычно возведет глаза к небу и выскажется насчет моих умственных способностей. Но нет, феникс все же снизошел до объяснений.

— Тем, что в случае получения ранения ты сможешь дальше продолжать бой. Причем в полную силу. Не отвлекаясь на всякие... неприятности.

— Ага, и умрешь от кровопотери, — съязвила я.

— Ну... везде есть свои издержки, — даже не думая возражать, пожал плечами Фауст. — Я редко когда использую этот навык. Разве что при крайней необходимости.

— А сейчас крайняя необходимость?

— Ну, мы же хотим продолжить тренировку? — усмехнулся Фауст и, склонившись к земле, поднял увесистую ветку, по типу той, что он предлагал мне вначале. — Хватай свою палку. Будем драться. Ты ж хотела, — озорно подмигнул феникс.

Да, хотела. Правда, на мечях, но... глядя на то, как коварно ухмыляется блондин, мне уже ни на палках, ни на мечях, ни на чем другом сражаться с ним не хотелось.

Однако я вернулась на свое прежнее место и, пробежавшись глазами по траве, хватанула ту самую увесистую дубину, что не желала брать прежде. Противостоять мужчине, который выше тебя на целую голову, с мелкой ковырялкой в руках было бы не совсем разумно. А если такой по хребту получить — мало не покажется.

— Кстати, у тебя плечо не болит? — спросил Фауст, становясь напротив и лениво играя со своим импровизированным оружием. — Я, кажется, сильно попал. Могу снять боль, дабы... уравнять силы, — предложил блондин.

Явно издевался. Судя по тому, с какой легкостью и мастерством феникс крутил длиннущее древко, то перекидывая его из руки в руку, то проводя за спиной, то вообще вращая над головой, — ни о каком равенстве речи и близко не шло.

— Нет, не надо, — поведя плечом, решила я. Пусть оно немного и побаливало, но не настолько, чтобы акцентировать на этом внимание.

— Тогда нападай, — разрешил феникс и, перестав играть, упер палку в землю и вальяжненько на нее оперся. В общем, весь его вид говорил о том, что Фауст к противнику в моем лице относится крайне несерьезно, а потому может позволить себе расслабиться.

Вот только, памятуя о чудо-колечке, которое добавляло эдак плюс десять к силе, я всерьез забеспокоилась за блондина.

— А ты защищаться будешь? — спросила я неуверенно, ожидая, что меня с моей излишней заботой пошлют куда подальше. И правильно считала.

— Думаешь, понадобится? — отозвался мужчина, все еще пребывая в совершенно расслабленном состоянии. — Нападай давай.

Ну ладно, нападать так нападать. Неловко замахнулась и попыталась обрушить тяжесть своего орудия на блондинистую головушку одного самоуверенного типа.

Ага! Не тут-то было. Самоуверенный тип с легкостью увернулся, при этом, кажется, даже ноги с места не сдвинув. И так поганно ухмылялся, что мне ну ооочень сильно захотелось начистить ему морду.

Второй замах — и удар вышел куда лучше первого, заставив феникса шустро отпрыгнуть в сторону. Ухмыляться он перестал, зато смотрел теперь с явным интересом и легкой настороженностью. Последующие мои попытки достать Фауста тоже не увенчались успехом. Прыгал он ловко, и даже раз перекатился по земле. А вот на последней моей атаке был вынужден подставить свое древко, отражая удар.

— Вот, уже лучше, — улыбнулся блондин, воодушевив меня на новый бросок. Вот только теперь он не просто отразил удар, но еще и добавил силы, отшвырнув мою жердь, отчего я пошатнулась и сильно накренилась, чуть не завалившись на бок. Фауст тут же воспользовался моментом и шлепнул меня по заду палкой. Этот удар окончательно нарушил и без того шаткое равновесие, и я все-таки пропахала мордой траву.

— Гад! — в сердцах окрестила блондина, переворачиваясь на спину и отплевываясь от попавшего в лицо мелкого мусора.

— Что я могу поделать, если ты такая неловкая, — вместо слов извинения выдал мой учитель.

— А по заду обязательно было бить? — все еще лежа на земле, возмущенно спросила я.

— Ну... Ты так соблазнительно его... выставила, что я не смог удержаться, — оскалился феникс и протянул мне руку, собираясь помочь подняться.

Сначала хотела демонстративно не принимать помощь. Типа, я обиделась. А потом подумала-подумала и решила, так сказать, воспользоваться моментом в своих интересах.

Протянула Фаусту ладонь и, коснувшись пальцев, резко схватила его и дернула на себя, попутно сделав простенькую подсечку ногой. Феникс, не ожидавший такой подставы, рухнул. Рухнул он, разумеется, вниз, а внизу по-прежнему лежала я, так что вот таким нехитрым способом блондин вдруг оказался на мне.

Что-то эта ситуация мне напоминает. Вот только сейчас мы явно поменялись ролями. Точнее, местами. И теперь мне посчастливилось в полной мере прочувствовать на себе всю тяжесть крупного мужского тела. И не сказать, чтобы эта тяжесть была столь уж неприятна, но дышать оказалось затруднительно. Благо Фауст почти сразу освободил мои легкие, приподнявшись на локтях.

Собственно, этим все и закончилось, ибо подниматься на ноги он не спешил. Напротив, лишь плотнее прижался ко мне бедрами и с ходу попытался раздвинуть коленом ноги.

Я, разумеется, воспротивилась. Лишь сильнее сжала конечности, не позволяя некоторым чересчур резвым поганцам вытворять, что заблагорассудится.

— Фауст, ты что творишь?

— Я? — каким-то непривычно низким голосом отозвался блондин. — Всего лишь пытаюсь расположиться поудобнее...

О, теперь это у нас так называется?!

— Перестань! — шикнула на ерзающего сверху феникса и, извернувшись, толкнула его в бок.

— Уверена? — все таким же голосом, но теперь уже с соблазнительной хрипотцой спросил Фауст и склонился к самому моему лицу, мазнув светлой прядкой по скуле и опалив горячим дыханием.

Да и сам он был просто горячечным. Я ощущала жар его тела аж сквозь две рубашки: его, насквозь мокрую и прилипшую к коже, и мою, за время тренировки частично приблизившуюся к этому состоянию.

А еще от него исходил просто умопомрачительный запах. Терпкий пот вперемешку с

хвоей, ароматом прелой листвы и еле ощутимыми нотками цветущего клевера. Что примечательно, запах его взмокшего тела ничуть не раздражал, напротив, лишь сильнее дразнил. В общем, мужиком от него пахло, и этим все сказано.

С трудом удержала в себе настойчивое желание ткнуться носом во влажную горячую шею. Вместо этого я подняла взгляд и тут же встретила с темными, почти черными из-за расширившихся зрачков глазами феникса. И серебристых всполохов было почти не видно, лишь самый край радужки подрагивал потусторонним мерцанием, притягивая, завораживая, маня, призывая забыться и отдаться во власть ощущений.

Фауст склонился еще ниже, провел носом по моей щеке, потерся о висок и, добравшись до уха, чуть прикусил мочку, заставив меня судорожно хватануть ртом воздух. А потом тихонько шепнул:

— Хочу тебя...

Странно, вот вроде бы два простых слова, которые сами по себе ничего не значат. Но произнесенные вместе, да еще таким многообещающим тоном, они нашли отклик в самой глубине женского естества, которое моментально отреагировало — жаром, прокатившимся по телу, и заметно учатившимся дыханием. А еще я, кажется, решительно покраснела. Да так, что на горящих щеках вполне можно было зажарить яичницу.

Ничего ж себе! Не знала, что умею так смущаться... Может, все дело в том, что мне впервые такое говорят? Нет, парням и раньше случалось меня хотеть. Но это все было как-то намеками, пошловатыми и умело завуалированными, невзначай брошенными обмолвками или вовсе набором непонятных звуков, означавших то самое. Короче, чушь какая-то. Может, оттого и не сложилось ни с кем... А вот сейчас сразу поняла — если он попросит, отдамся и слова вякнуть не посмею.

Подключившееся воображение тотчас нарисовало картинку возможного развития событий, и сердце гулко застучало в груди. Не знаю, то ли от страха, то ли от предвкушения...

Что делать в такой ситуации, я совершенно не представляла, поэтому на его откровение выдала первое, что пришло в голову:

— Фауст, но мы же договорились, что не будем...

И тут же пожалела о том, что такое сморозила. Я же ведь и сама этой договоренности была не рада. И зачем только напомнила о ней?

В общем, я резонно ожидала, что блондин сейчас все вспомнит и вернется к своему прежнему отстраненно-холодному поведению. Но не тут-то было. Феникс положения тела не поменял и даже не пошевелился, все так же прижимаясь ко мне, и с тяжким вздохом сознался:

— Я помню. Вот только не думал, что будет так трудно устоять...

Ооо! То есть отступить он не намерен?

Следующая фраза лишь подтвердила догадку — не намерен!

— Люююб, — проворковал низкий бархатный голос. — Я ошибаюсь, или на тебе нет белья?

Фауст лукаво ухмыльнулся и, чуть приподнявшись на локтях, спустился взглядом к моей груди. Я проследила за ним глазами и чуть не выругалась с досады.

Не знаю, как так вышло, но соски отчего-то затвердели — причем отнюдь не от холода — и теперь бесстыже торчали, натягивая тонкую ткань рубашки. Машинально попыталась прикрыться ладошками, но Фауст не дал. Стиснул мои запястья и завел над головой, крепко

прижимая их к сырой земле. Сам же, не отрывая замороженного взгляда от моих округлостей, перехватил запястья одной рукой, а второй подцепил верхнюю пуговичку и ловко ее расстегнул. Потом не спеша расправился со следующей, обнажая аппетитную ложбинку в распахнувшемся вороте рубахи.

Вот в этот момент я поняла, что все реально серьезно. И что меня возьмут прямо здесь и сейчас — в лесу, на голой земле, при белом свете дня. Не то, чтобы меня особо смущала обстановка — все же белые простыни и лепестки роз не самое главное в жизни, а уж в отношениях и подавно. Но... как-то уж слишком быстро развивались события. И, с одной стороны, вроде и хочется, чтобы он зашел дальше, нежели простое поглаживание открывшейся кожи, и... колется. И вообще, буквально в двадцати метрах от нас дрыхнет моя младшая сестра! Пока еще дрыхнет... Что, если она сейчас проснется и застучает нас за этим делом?!

И словно отзываясь на мои мысли, со стороны нашей стоянки раздалось протяжное завывание:

— Елочка, елка, лесной аромат.

Сплю на иголочках, тря-ля-ля-ля!

Н-да... с пением в нашей семье всегда были проблемы. А если еще и голос ломать, как это делает Стаська, то какофония звуков выходит такая, что хоть вешайся.

Фауст, по всей видимости, был того же мнения. Блондин тотчас прекратил свое увлекательное занятие и с тяжким стоном ткнулся носом мне в шею.

— Напомни мне придушить ее, когда выберемся из леса.

Ну, желание Фауста прибить мою младшенькую было вполне понятно. У меня и самой такое частенько проскакивало. Смущало другое:

— А почему когда выберемся из леса?

— Потому что, пока мы в лесу, есть шанс, что она сама напорется на что-нибудь несовместимое с жизнью. Не хочется марать руки, знаешь ли... — с серьезной миной на лице поведал феникс.

Я от такого заявления малость офигела. И видимо, взгляд мой оказался очень выразительным, потому что феникс тут же весело усмехнулся и добавил:

— Да шучу, я. Не смотри на меня так.

Ничего себе, нормальные у него шуточки... Я ведь за такое и надавать могла. По морде.

— Эй, вы где? Мы есть седня будем? — меж тем гораздо ближе, чем прежде, раздался Стаськин голос.

Ой, кажется, кое-кто встал и направляется к нам.

Фауста с меня будто ветром сдуло. Блондин вскочил на ноги и помог мне подняться. После сам же застегнул собственноручно расстегнутые пуговицы. И к тому моменту, как из-за кустов вынырнула сестричка, ничто в нашем облике не напоминало о недавнем инциденте.

— А чего вы тут делаете? — спросила мелкая, переводя заинтересованный взгляд с меня на Фауста и обратно.

— Тренируемся, — за нас двоих ответил блондин и поднял с земли брошенное древко.

— О, значит, Лу уже выздоровела? А то вчера весь день трупакom валялась, — хмыкнула мелкая. — Как засос, кстати?

— Какой... — не сразу смекнула я, а потом вспомнила — феникс же яд отсасывал! Провела рукой по шее и обнаружила там все ту же повязку.

— Кстати, надо проверить, не воспалилась ли... — спохватился Фауст и, вновь отшвырнув палку, двинулся ко мне.

Коснувшись шеи, принялся развязывать узелок на повязке. Ковырялся он долго. И, судя по еле слышному бормотанию, коварный узелок поддаваться не хотел и от манипуляций Фауста лишь сильнее затягивался.

— Стась, попробуй ты, — попытался переложить задачу на сестричку блондин.

— Нее, — пошла в отказ мелкая. — Сам затянул, сам и развязывай.

— Ладно, — недолго думая, согласился Фауст и, нагнувшись, вытянул из-за голенища сапога короткий кинжал.

Вот теперь воспротивилась уже я.

— Даже не думай! — шикнула на блондина и отскочила в сторону.

— Да ладно тебе, я всего лишь узел перережу.

— Ага. И заодно мне ухо отрежешь! Не вздумай даже с этой штукой приближаться! — скомандовала я и на всякий случай выставила вперед руки.

Нет, я, конечно, не сомневалась в том, что Фауст мастерски управляется с холодным оружием, просто ощущать у шеи острую сталь не так уж и приятно, не говоря уже о том, что просто страшно... Вдруг дернусь еще!

Фауст глянул на меня укоризненно, но клинок все же убрал.

— Ладно, тогда поступим иначе, — что-то придумал блондин и как-то хитро прищурил глаза. А спустя мгновение оказался подле меня и приник губами к шее. Ну, то есть не к шее, а к повязке. И не губами, а зубами. Но дела это не меняет, ибо от его близости у меня вновь перехватило дыхание.

Короче, стою я, обмираю. А провокаторша сестричка, наблюдающая за всей этой картиной, так вообще задорно мне подмигивает. Нет, ну как сговорились, ей-богу! Фауст же, наконец справившись с коварным узелком, легонько прижался губами к открывшейся коже и тут же отпрянул. Вот ведь... хитрец!

Дальше мы разматывали повязку и...

— Ни фиги себе, синячище! — Младшенькая в ужасе округлила карие глаза, да еще присвистнула от удивления. А потом обратилась к нашему провожатому: — А я тебе говорила, не надо так сильно присасываться. Вампир несчастный.

— Нет, все же до выхода из леса я не дотерплю, — пробурчал себе под нос Фауст, сворачивая в руках тонкий лоскут ткани.

Потом вновь приблизился и внимательно осмотрел мою шею.

— Н-да... Синячок знатный. Болит? — И чуть надавил пальцем на ранку.

— Ай! — пискнула я и шлепнула Фауста по ладони. — Когда не трогаешь — не болит!

— Извини, — покаянно улыбнулся мужчина и вновь потянул ко мне руку.

Нет, ну сколько можно трогать мою шею? Лучше бы он где в другом месте меня потрогал. Где не больно! Но только не при Стасске, разумеется. Хотя на сей раз блондин был очень аккуратен, еле заметно прикасался к ранке, неизвестно чего проверяя, а потом провел по ней кончиками пальцев, и я почувствовала сначала резкий холод, а потом приятное согревающее тепло. А после... вообще перестала что-то чувствовать... Ни боли, ни прикосновений.

— Ты что сделал? — тут же вскинулась я, ощупывая рукой шею, и непонимающе уставилась на этого горе-врачевателя.

— Убрал болевое ощущение, — довольно улыбнулся тот.

— Ага, и чувствительность заодно?! — уже собралась вспылить и высказать блондину все, что думаю по этому поводу.

Нет, ну реально, что за самоуправство такое?! Мог бы и спросить. Может, мне нравится, когда болит!

— Да не заводись ты, — беззлобно отозвался Фауст. — Нечувствительна только сама ранка, ближайшие ткани я не трогал. Сама проверь.

Я проверила. Тщательно. И злости заметно поубавилось. Ибо блондин не соврал, и на деле прикосновения не ощущались лишь на небольшом участке кожи. Фух, а то уж я, грешным делом, испугалась, что шея онемееет.

— Может, уже хватит Любкой заниматься? Мы есть сегодня будем? — подала голос потерявшая всякое терпение сестричка.

— Конечно, будем! — чересчур бодро ответил наш провожатый. — Иди готовь!

Ооо, вот это он зря. Я бы Стаське готовку ни за что не доверила. Чревато последствиями. Да и вообще, ее уговаривать дольше придется. Проще самой все сделать.

— Давай лучше я, — решила взять инициативу в свои руки, понимая, что из нас троих я лучше всего справлюсь с поставленной задачей. Лучше в том плане, что никто не отравится.

— Вообще-то мы не закончили, — вмиг разрушил все мои планы Фауст. — Так что Стася отправляется делать завтрак. А мы продолжаем занятие! — веско заявил блондин и всучил мне мое импровизированное оружие.

— Эммм... ты уверен? — решила уточнить я, вспомнив, чем буквально десять минут назад закончилась наша тренировочка.

— Угу, — кивнул блондин и добавил: — К тому же другого шанса позаниматься может не представиться.

А вот этот аргумент и вправду оказался весомым. Колечко колечком, но по факту я даже защищаться нормально не умею. А в свете возможной встречи с сидами навык этот может оказаться весьма полезным.

В итоге Стаську мы выпроваживали уже вдвоем. Мелкая побурчала, попричитала о своей тяжелой доле, но была вынуждена взяться за стряпню. Мы же с фениксом вернулись к тренировке.

На сей раз все было иначе. Фауст к вопросу подошел серьезно и начал с того, что показал мне наиболее устойчивые для ведения боя стойки, потом продемонстрировал пару атакующих приемов. Простых и эффективных. Научил правильно распределять вес и балансировать с разным по габаритам и тяжести оружием. После изучения приемов нападения перешли к защите. Блондин показал, как правильно ставить блок, как уворачиваться, как отражать удар, одновременно не позволяя противнику нанести второй.

— Фауст, а почему ты сначала стал учить, как нападать, и только потом, как обороняться? — задалась вопросом, повторив очередной нехитрый прием.

— Потому что лучшая защита — это нападение. Особенно в твоем случае.

— Что значит, в моем случае? — возмутилась я, уловив во фразе блондина явный намек на дискриминацию.

— Это значит, что, если тебе попадется умелый противник, обороняться ты толком не сможешь. Все равно достанет. Так что в твоем случае лучше нападать первой, глядишь, эффект неожиданности сработает, — усмехнулся феникс.

Вот оно, значит, как. А я-то уже губу раскатала. Думала, раз у меня с первого раза получилось повторить за Фаустом все приемы, то я уже суперпрофессионал. Нет, понятно,

конечно, что это в основном заслуга колечка. Как объяснил блондин, артефакты такого рода позволяют обучаться в разы быстрее. Память тела якобы работает лучше. Но даже несмотря на такой очевидный «допинг», я все равно была крайне довольна собой. И вдруг все мои иллюзии так жестоко разбили.

Разумеется, я обиделась!

— А... понятно... — глубокомысленно изрекла я и, перехватив палочку поудобнее, саданула учителя по спине.

— Люба, ты что творишь? — просипел Фауст, пригибаясь к земле и хватаясь рукой за поясницу.

— Как что? Тренирую момент неожиданности, — во все тридцать два зуба улыбнулась я. Ну а что, он ведь сам предложил действовать именно таким способом.

Собственно, на этой радостной ноте занятие и закончилось. Ввиду, так сказать, нетрудоспособности педагога. Ну не рассчитала я силенки... Не рассчитала.

Но все равно, даже того, что мы успели изучить, было более чем достаточно для одного занятия. Пусть я и схватываю быстро, но новым знаниям тоже надо улечься. А еще не мешало бы все сегодняшние движения отработать на практике, в тренировочном поединке или что-то вроде того. Фауст обещал, что мы постараемся выкроить время вечером. Кстати, надо отдать должное блондину, учитель из него получился очень даже ничего. Ну, если отбросить в сторону все кривляния и шуточки не по теме.

Дальше мы друженько позавтракали и отправились в путь. В отличие от вчерашнего дня никаких эксцессов по дороге больше не случилось. Стаська вела себя на удивление смирно, я тоже не отходила далеко от спутников, да и лес стал намного приветливее и приятнее, чем прежде. Как объяснил феникс, за вчера мы успели преодолеть некую аномальную зону с повышенным магическим излучением, так что теперь всяких напастей типа хищных растений и мифических зверюшек можно было не опасаться.

Примерно к пяти часам вечера, когда солнце начало потихоньку клониться к закату, мы покинули сень деревьев и оказались у подножия невысокого пологого холма, на вершине которого располагался город гремлинов.

Глава 5

Номер для новобрачных

Город гремлинов, с незамысловатым названием Гремвиль, походил на многоярусный торт: идеально круглый, с несколькими уровнями приклеенных друг к другу домов. Нижний состоял из больших одно — или двухэтажных строений, вполне приемлемых для жизни человека. Большинство из них пестрело вывесками гостиниц и питейных заведений, витринами сувенирных магазинов и лавками чудес. На втором уровне, что стоял прямо верхом на первом, располагались домики поменьше, вышиной примерно в человеческий рост. Эдакий вариант для низкорослых хоббитов. Забраться в такой если и можно было, то лишь согнувшись.

Дальше круче, то есть еще меньше. Третий ярус, словно убежище лилипутов, своей высотой еле-еле доставал мне до пояса. На четвертом же, последнем, домики и вовсе походили на кукольные. Маленькие, будто игрушечные. С крохотными окошками, разноцветной черепицей на двускатных крышах, белеными крылечками и расписными стенами. Каждый словно маленькое произведение искусства. Украшенное цветами и перьями, крупными бусинами и самоцветами, стеклянной мозаикой и крохотными кручеными ракушками.

Глядя на эти миниатюрные творения, я невольно почувствовала себя Алисой в Стране чудес, что откусила волшебный гриб и выросла до невероятных размеров.

— Удобно, однако, — прокомментировала зрелище сестричка.

— И не говори, — поддержала я, а мозг тут же провел параллель с моим родным миром. — При нынешних ценах на недвижимость в Москве самое время научиться менять размеры тела, как это делают гремлины. Прикупил один квадратный метр и ни в чем себе не отказывай!

Сестричка понатливно хмыкнула, а Фауст вопросительно выгнул светлую бровь.

— Цены на жилье у нас в городе просто заоблачные. Вот мы и мечтаем научиться менять размеры, — пояснила я.

Кстати, насчет размеров самих обитателей Гремвиля. С этим тоже была полная неразбериха, точнее, полное разнообразие. Шнырявшие мимо рыженькие обитатели то еле-еле доставали ростом мне до колена, то дышали в пупок, то любопытным остреньким носиком упирались в грудь. Стоит ли говорить, что к последней категории относились в основном юноши? Что интересно, зачастую встречалась вот такая премилая картиночка — бежит себе молоденький кучерявенький гремлин и, завидев издали нашу компанию, вдруг разом увеличивается в размерах! Приветственно кивает и чуть ли не с ног до головы окидывает меня оценивающим взглядом. Нет, мне, конечно, такое внимание приятно, но уж слишком оно показалось навязчивым. Да и Фауст отчего-то разнервничался. Подхватил под локоть и шагу в сторону не давал ступить.

Я сначала думала возмутиться таким положением дел — все же я девушка свободная, — а потом, после очередного молоденького рыжика, повстречавшегося на пути и окинувшего меня медовым взглядом и последовавшего за этим взглядом недовольного рычания феникса, до меня дошло, что Фауст попросту ревнует.

Я чуть было радостно не захохотала от такого открытия и мысленно поблагодарила

мадам Жоржетт, что подобрала мне этот чудесный дорожный костюм. Как раз перед входом в город мы переоделись, так что сейчас на мне был и элегантный жакет, и накладная юбка, и маленькая изумрудная шляпка. Я даже волосы умудрилась собрать и под эту самую шляпку упрятать, как раз как показывала тетушка в модной лавке. В общем, выглядела я потрясающе, и взгляд Фауста, который первые несколько минут смотрел на меня будто замороженный, только подтвердил это мнение.

Сейчас же блондин, кажется, и вовсе вознамерился не подпускать ко мне ни одной особи мужского пола. Меня же, напротив, так и распирало его позлить, а потому я улыбалась направо и налево, не упуская ни единой возможности побесить спутника. Хотя на самом деле смотреть там было совершенно не на кого. Почему-то все эти рыжики были ну слишком уж молоды. Да и в целом среди гремлинов практически не встречалось представителей среднего возраста. Либо молодежь, либо старики. Этот факт меня крайне удивил, а потому я не преминула поинтересоваться причинами такой демографической ситуации у Фауста.

— Все просто, — с улыбкой ответил блондин. — Трудоспособное население на службе. В городе обитают лишь те, кто еще слишком молод и проходит обучение, либо уже слишком стар, чтобы служить хозяевам. Ну и есть, конечно же, отдельные индивиды, коих по каким-то причинам не нанимают.

— То есть все гремлины служат хозяевам, подобно Тревуру? — удивилась я.

— Именно, — подтвердил мое предположение феникс.

— Бедные... — посочувствовала я несчастным, что вынуждены всю жизнь пахать на благо какого-то чужого дяди.

— Зря ты считаешь их бедными. Услуги гремлинов крайне дорогое удовольствие. Да и к кому попало они на службу не идут. Только к достойным, а испытания у них такие... уууу... Впрочем, ты завтра сама все увидишь! — во все тридцать два зуба улыбнулся Фауст.

— Мы что, пойдем смотреть на испытания?

Почему-то у меня сложилось впечатление, что это будет нечто вроде красочного шоу. С трибунами, зрителями, прохладительными напитками и подбадривающими участников лозунгами.

Фауст хмыкнул и скосил на меня темно-синие глаза, в которых читалось явное веселье.

— Вы — да, а я возьму на себя смелость поучаствовать.

— Чего?! — Я резко тормознула и вырвала локоть из хватки феникса. — Совсем, что ли, сбрендил? Ты с головой-то дружишь? — Выразительно постучала себя по одному месту, намекая на то, что у блондина совсем поехала крыша. — Или тебе жить надоело? — спросила я, вспомнив, что предприятие это крайне рискованное и Фауст может запросто лишиться жизни.

Нет, у него, конечно, еще есть парочка в запасе, но нам-то со Стасей что делать, если он вдруг копыта откинет?

— Люба, я лучше знаю, что мне делать, — раздраженно дернул щекой феникс.

— Как же, знает он. Мы вообще-то тоже имеем право голоса! — вклинилась сестричка и, подбоченившись, уперла руки в боки.

— У тебя еще забыл спросить, — фыркнул блондин. — И вообще, гремлин нам так или иначе нужен. А так как мы, стараниями сидов, остались без Тревура, то придется мне добывать своего.

— Но Фа...

— Это не обсуждается! — гаркнул блондин, и мы с сестричкой синхронно замолкли.

Похоже, переубедить его бесполезно. Значит, нужно придумать что-то другое... Например, связать ночью и не выпускать до тех пор, пока эти испытания не закончатся. А что, хорошая идея. Целее будет. А без гремлина как-нибудь обойдемся.

Чуть отстав от Фауста — рассерженный феникс попер вперед, словно танк, — я тихонько изложила сестричке свой коварный план. Та глумливо захихикала, полностью поддержав мою идею.

— Вы чего там шепчетесь? — остановившись у вывески постоянного двора, резко обернулся блондин.

— Ничего-ничего, — соорили из себя невинных овечек и опустили глазки в пол.

Кстати, «пол» здесь был весьма занимательный. Как, впрочем, и на всей улице. Дорога была выложена яркой цветастой плиткой. Красной, зеленой, желтой. Ощущение, что идёшь по радуге. Сейчас же мы стояли на насыщенно-синем секторе, сложенном из плиток в форме четырехконечных звездочек.

Однако долго разглядывать эти самые «звездочки» не вышло. Дверь постоянного двора распахнулась, и пред наши очи предстали два гнома. Да, это были именно гномы. Бородатые крепыши росточком со Стаську. Причем, судя по вполне узнаваемому душку, выдули они далеко не по одной кружечке. Мужики дружно хрюкнули, кивнули в знак приветствия и поспешили по своим делам. Фауст же заглянул внутрь и тихонько выругался.

Проследив за его взглядом, я поняла, в чем заключалась проблема — постоянный двор был битком набит посетителями. И отнюдь не гремлинами — все больше людьми да низкорослыми гномами. Хотя с людьми я наверняка погорячилась, ведь те же фениксы и наги вполне могут разгуливать в человеческой ипостаси. И отличить, кто здесь кто, я вряд ли смогу. Единственное, что радовало, голубеньких сидов среди всей этой цветастой братии не наблюдалось. И на том спасибо.

Фауст зашел внутрь, велел нам со Стасей ждать на улице. Вернулся он скоро, и, к сожалению, новости были не из приятных.

— Свободных комнат нет. Праздник середины лета, мать его... Это ж надо было так угодить.

— Праздник? — тут же оживилась Стасечка. — А что, и шоу-программа будет? И дискотека?

— Будет, будет. Все вам будет. И шоу-программа, и фокусы, и фейерверки, да только нормального отдыха не будет, — буркнул Фауст, и, пожалуй, я в каком-то веке разделяла его настроение.

Праздник — это, конечно, хорошо, но после почти трех дней пути и ночевки в непонятно каких условиях хотелось по-человечески принять ванну, стереть с себя дорожную грязь, а после, чистым и благоухающим, словно майская роза, завалиться на свежую мягкую постель. Ммм, мечты. И есть все шансы, что они так и останутся мечтами, если, конечно, нам не удастся урвать хоть одну комнатку.

Во втором постоялом дворе нас тоже ждало разочарование. Оставался третий и последний. Последняя надежда, так сказать. Название у него было до смешного странное — «В гостях у Шниферфаурхайна». Произнести этот набор шипяще-фырчащих звуков удалось лишь с третьей попытки, и то язык чуть не сломала.

Однако названьице это оказалось хоть и трудновыговариваемым, но счастливым, ибо на сей раз нам повезло! От хозяина Фауст вернулся с ключами. Правда, выглядел он все равно хмурым и недовольным.

— Что опять не так? — недоумевающе спросила я, не видя причин для подобной мины на лице.

— То, что комната всего одна. А нас трое, — пояснил мужчина.

Но я все равно не понимала сути проблемы. Ну, подумаешь, одна комната. В тесноте, да не в обиде, как говорится. Как-нибудь уместимся. Главное другое.

— А ванна там есть?

— Да. Причем даже выделенная, тут нам повезло. Но номер... — Фауст закатил глаза к потолку, а потом и вовсе прикрыл их ладонью. И будь поблизости стена или столешница, уверена, он бы лбом о нее с досады треснулся.

А вот я совершенно не могла взять в толк, чего он все время ноет? Не устраивает наше соседство? Или, может... блондинчик надеялся уединиться? Помнится, в лесу он был весьма импульсивен. И вполне может статься, что он планировал остаться со мной наедине, а тут такой облом... Н-да...

Ну, что поделать, потерпит как-нибудь. До лучших времен, так сказать. Точнее, удобного случая. И вообще, я согласия пока ни на что не давала, так что рано губу раскатал.

Спустя пару минут мы уже поднимались по лестнице на второй этаж, дабы воочию узреть выделенные нам апартаменты, ну и, разумеется, скинуть багаж и привести себя в порядок с дороги.

Комнатка наша располагалась в самом конце коридора. Пока Фауст проворачивал ключ в замке, мы со Стаськой с интересом рассматривали номерок, прикрепленный к двери, — эдакое милое сердечко с начертанной цифрой одиннадцать. В тот момент я никакого подвоха не почувствовала. Зато стоило нам войти, как у меня непристойно отвисла челюсть.

Прямо посреди комнаты стояла кровать. Огромная, круглая, с бархатным изголовьем в виде сердца. Застелена она была белоснежной шелковой простыней, на которой алыми каплями лежали бархатные лепестки роз. Эти же самые лепестки были разбросаны и по полу, образуя незамысловатую тропинку, ведущую прямиком к постели.

На прикроватном столике красовались искусно нарезанные фрукты, пара высоких хрустальных фужеров и бутылка вина. Ну полный комплект!

— Этто чччто? — пролепетала я, тыча пальцем в роскошное ложе.

— Это? Номер для новобрачных! — радостно оповестил нас Фауст. Вот только радость эта была сплошь напускная, на самом же деле феникс был откровенно недоволен таким положением дел.

— Ооо, кажется, я тут лишняя, — вдруг заявила сестричка и, резко развернувшись, потопала на выход. Я ловко поймала ее за шкурку и вернула на место.

— Ссстоять! — шикнула я на мелкую и накинулась на Фауста: — Что, других вариантов совсем-совсем не было?

— Люба, — с нажимом произнес блондин. — Мы обошли все местные постоянные дворы. Кроме этого номера ни одной свободной комнаты нет. Так что либо остаемся тут, либо можем разбить палатку на улице!

Почему-то из двух предложенных вариантов меня не устраивал ни один. Не знаю, с чего я так скептически отнеслась к номеру для новобрачных — видимо, пятой точкой чувствовала, что комнатка эта сулит очередные неприятности для этой самой точки, — но оставаться здесь категорически не хотелось.

— Ну, а может, попроситься на постой к кому-нибудь из местных? У тебя здесь, случайно, знакомых нет?

— Есть, — бодро ответил блондин и каверзно улыбнулся. — И я даже за вас словечко замолвить могу. Так что, если готовы засунуться в скворечник — только намекните, — обрадовал Фауст.

Н-да... Что-то я запомнила, что домики у гремлинов миниатюрные, а потому мы вряд ли пройдем туда по габаритам. Похоже, вариантов и правда нет...

— В общем, радуйтесь, что хоть что-то нашли. А порядок мы сейчас тут наведем, — пообещал блондин и ринулся к кровати. Сгреб в комок простынь с лепестками роз и решительно направился к окну, чтобы через секунду под наше дружное «Нееет!» вытряхнуть всю эту красоту на улицу.

— Что? — всерьез удивился нашей реакции блондин.

Одним словом, мужик! Ну как можно было так варварски обойтись с лепестками роз? Я, может, на них полежать хотела. Ну когда еще представится такая возможность? А этот... все испортил!

Высказать Фаусту все, что о нем думаю, не успела. Из открытого окна вдруг раздался дружный хор голосов:

— Горько, горько! — Видать, это прохожие весьма красноречиво отреагировали на листопад из роз и сделали свои не совсем верные выводы.

— Ооо, ну вот теперь я тут точно лишняя, — вновь намылилась на выход сестричка. И вновь была за шкуру возвращена обратно.

Нет, ну за что мне такое наказание, а? Одно — белобрысое и порой совершенно не думающее. И второе... просто не думающее.

А дружный хор голосов все не смолкал.

— Горько, горько! — орали за окном.

— Ну сделай уже что-нибудь, — шикнула на блондина.

— Еще чего! — фыркнул Фауст. — Хочешь, чтобы они меня увидели? А когда спустимся вниз, все дружно ринулись нас поздравлять? Неет, я лучше тут отсижусь! — заявил феникс и, швырнув простынь на кровать, принялся разбирать сумку.

А крики продолжались. Теперь к приевшемуся «Горько!» добавилось «Совет да любовь», «Побольше детишек, девчонок и мальчишек» и «Чтоб кровать выдержала».

А вот я не выдержала. И так как самой высываться на улицу было чревато последствиями, просительно глянула на сестричку:

— Стась...

— Ох, ну что не сделаешь ради родной сестры, — вздохнула эта мелкая притворщица и прошлепала к окну. А потом кааак гаркнет: — А ну, тихо! Вы им сосредоточиться мешаете. Разорались тут, понимаешь ли... Под ваши жуткие крики ни девчонок, ни тем более мальчишек у них не получится.

Ор мгновенно смолк. То ли толпа Стаськиного крика испугалась, то ли недоумевала, как у нас может что-то не получиться. А может, попросту была ошеломлена присутствием в номере для молодоженов ребенка. Пусть и довольно взрослого.

Мы же с Фаустом широко открытыми глазами вылупились на сестричку. Цензурных слов, чтобы прокомментировать ее действия, лично у меня не нашлось. Нецензурных, впрочем, тоже. Зато присутствовал ступор и ясно читающаяся на лбу надпись «Это что сейчас было?»

— Стася... — первым опомнился блондин и сквозь стиснутые зубы зашипел на мелкую. Да так грозно, что мне стало за нее страшно. — Что ж ты за недоразумение такое?!

— А? Что? Я ни при чем! — Сестричка вмиг сообразила, что ей светит по меньшей мере секир-башка, и дала стрекача. Дернула ручку боковой двери и скрылась в ванной.

Фауст рванул следом, но не успел. С той стороны щелкнул замок, ясно свидетельствуя, что Стаська теперь недосягаема.

А спустя секунду раздалось:

— Ни фиги себе, ванная. Лу, да тут джакузи! Для двоих, кстати. — Послышался проказливый смешок и следом: — Ну, это... Вы там остыньте пока. Кровать опробуйте. А я ванну приму, — сообщила Стаська, и следом раздался шум льющейся воды.

Прекрасно... Вообще-то, я первая хотела освежиться... Вот же зараза!

Ладно, значит, пока вещи разгребу и оденусь во что попроще, чтобы удобнее было. Да и собранные под шляпкой волосы охота распустить. А то корни уже неприятно тянет. И как здешние барышни вечно ходят с высокими причёсками?

Неспешно подошла к трюмо с полукруглым зеркалом. Стащила головной убор и, на миг прикрыв глаза, с удовольствием встряхнула освобожденными волосами. А когда открыла, обнаружила, что в зеркале отражаюсь не только я, но и стоящий за спиной Фауст.

Дернулась от неожиданности, но большие ладони, легшие на плечи, тут же успокоили.

— Ну ты чего? Это же всего лишь я...

Ага... всего лишь... А в комнате-то помимо нас, считай, никого нет. С ума сойти, мы наедине в номере для молодоженов. Как будто кто-то сверху нарочно над нами потешается, так и подталкивая к необдуманным поступкам.

— Вижу, что ты. Зачем подкрадываться незаметно? — пробурчала обиженно и дунула на прядку волос, упавшую на глаза.

Прядь оказалась упрямой и сдвигаться решительно не хотела. Фауст же ловко подцепил ее пальцами и аккуратно заправил за ушко. А потом и вовсе запустил пятерню в мои волосы и легонько помассировал корни.

Никогда бы не подумала, что в мужском исполнении это может быть столь приятно. Просто кайф... Интересно, а полноценный массаж Фауст делать умеет? Мне б сейчас не помешал.

Словно услышав мои мысли, мужчина скользнул рукой на шею и помассировал верхние позвонки, хотел спуститься ниже, но воротник-стойка помешал. А жаль. Следовало бы снять жакет, вот только боюсь, если начну сейчас раздеваться, феникс опять сорвется.

А эти срывы... меня они, честно говоря, уже достали. Ласка ведь не должна быть навязчивой или грубой. А в порыве это зачастую так и бывает. Мне же хотелось нежности, заботы и внимания. Чтобы все было неторопливо, постепенно. Чтобы прочувствовать каждый момент и понять, что тянет не просто к симпатичной мордашке и красивому тренированному телу, но и к самому человеку. Со своими достоинствами и недостатками. Привычками и принципами. Желаниями и надеждами. Планами, которых громадье. И странной необходимостью казаться взрослым и самостоятельным.

А еще очень хотелось, чтобы он сказал, что что-нибудь придумает. И пускай бы соврал, но... Тогда я смогла бы себя отпустить. Забыть хоть на время про грядущую разлуку и отдаться во власть чувства, что с каждым днем все ярче горело в груди. Заставляя меня саму то срываться на неуместные провокации, то, наоборот, закрываться, боясь, что сделают больно, или вот таять, как сейчас, от каждого прикосновения, от восторженного взгляда, что то и дело прорывается сквозь маску безразличия и язвительности. Давно пора ее снять. И не так, на время. Насовсем. Ему ведь тоже нужно отпустить себя. Даже больше, чем мне. И

стыдно признаться, но я с нетерпением жду этого момента.

— Ты о чем задумалась? — Мягкий шепот вырвал из мыслей, блуждавших в голове, а сам Фауст обнял, притягивая к груди.

Я подняла взгляд и поймала наше отражение в зеркале. Хммм, а ведь он на целую голову меня выше! Чувствую себя коротышкой. Хотя... с другой стороны, удобно. Фауст положил подбородок мне на макушку, и я легонько усмехнулась.

— Что? — Блондин тоже смотрел на наше отражение.

И не знаю, как ему, а мне картинка очень даже нравилась, хоть мы и выглядим полными противоположностями. У него глаза синие, у меня зеленые. Волосы у него светлые и длинные-длинные, а у меня короткие и темные. Черты лица у Фауста тонкие, правильные, какие-то аристократические. У меня же, напротив, чуть крупноватые. И родинка на правой щеке. Интересно, а у Фауста родинки есть? Я бы искала...

Хихикнула и закинула руку наверх. Обхватила сильную шею, а потом потянулась к волосам и дернула за стягивающую их ленточку. Пшеничные прядки рассыпались шёлковым водопадом. Сцапала, сколько поместилось в ладонь, и перекинула себе на плечо, поближе к лицу.

— Мне идет? — спросила шутливо, прикидывая, каково это, быть блондинкой.

— Нееет, — сморщив нос, протянул феникс и откинул волосы обратно за спину. — Тебе и так хорошо. И это платье тебе очень к лицу.

Я чуть смутилась от неожиданного комплимента. Фауст же коснулся кончиками пальцев круглых перламутровых пуговичек на груди. Будто расстегнуть хотел. Но, переборов желание, вновь вернул руку на талию.

Хммм, что-то он сегодня робкий... И есть в этом нечто удивительно милое. В том, чтобы просто стоять в обнимку. Слушать дыхание друг друга. Касаться ладони. И понимать, что этого мгновения никто не отнимет. Никто не испортит...

Но все хорошее, к сожалению, имеет свойство заканчиваться. Вот и наш миг уединения очень быстро подошел к концу. Правда, на сей раз помешала нам не Стаська, помешал раздавшийся стук в дверь.

Блин, и кого ж там такого воспитанного принесло?

— Я открою. — Фауст отпрянул, выпустив меня из объятий, и сразу стало так тоскливо.

Я тяжело вздохнула и, бросив последний взгляд на свое отражение, повернулась к пришедшему.

Им оказался греmlin. Рыжий. Кучерявый. Курносый, как и вся их братия. Молоденький. Примерно моего возраста. Может, чуть младше. Роста он был почти человеческого. Тоже примерно с меня. Но на фоне высокого блондина смотрелся сущим карликом.

— Здорова! — радостно поприветствовал Фауста наш неожиданный гость.

Кажется, они были знакомы. А по шальной улыбке, осветившей лицо феникса, я поняла, что эти двое закадычные приятели, не меньше.

— И тебе не хворать! — поприветствовал гремлина блондин и по-дружески похлопал того по плечу. — От тебя вообще возможно скрыться? Я каких-то полчаса в городе, а ты уже тут как тут.

— Ну так что ты хотел? Городок маленький. Новости разлетаются быстрее, чем горячие пирожки в лавке косоногого Беяшко.

Фауст лишь усмехнулся и чуть отступил от двери, пропуская друга в номер.

— Ну проходи. Чего стоишь на пороге?

Блондин втокнул приятеля внутрь. И только теперь греmlin заметил меня.

— Опа-на! — очень красноречиво, а главное емко, отреагировал рыжий и резко вырос в размерах. Теперь он был лишь на полголовы ниже Фауста и, соответственно, на столько же выше меня.

Опять двадцать пять! Что ж они все такие предсказуемые? Или у них в городе дефицит симпатичных девушек?

Гремлин тем временем перевел взгляд с меня на убранство номера и, обратившись к Фаусту, сказал то, чего я больше всего боялась:

— Так тебя можно поздравить?

— С чем? — не сразу понял блондин.

— Как это с чем? Со свадьбой, разумеется! — во все зубы улыбнулся гость и полез обниматься к Фаусту.

— Да какая, к троллю, свадьба? — Феникс ловко увернулся от его рук и обвинительным тоном заявил: — У вас тут поселиться негде. Хоть палатку во дворе ставь!

— Это да... Приезжих в этом году тьма, — согласился рыжий и акkuratно уточнил: — Так ты не женился?

— Нет и в ближайшее время не планирую, — резким, ультимативным тоном сообщил Фауст.

А у меня случился кратковременный ступор. И как это прикажете понимать?

— Эх, а я уж обрадовался, что на свадьбе погуляем, — с тяжким вздохом разочарования пожаловался греmlin, а я...

— То есть как это — не планируешь? — нагло влезла в разговор я, пребывая в полнейшем замешательстве относительно услышанного.

Теперь оба мужчины одновременно обратили свои взгляды ко мне. У Фауста вид был такой, будто он сквозь землю готов провалиться. На лице же его рыжего приятеля ясно проступил интерес и предвкушение дальнейшего развития событий.

— Люб, только не говори, что ты... — начал было блондин. Но я резко его прервала. Не хватало еще, чтобы он думал, будто я горю желанием выскочить за него замуж.

Нет, мне, конечно, хотелось бы. Но здесь и идиоту понятно, что в этом плане мне ничего не светит. Так что глупыми надеждами на сей счет я себя не тешу. Волнует меня иное.

— Вообще-то я имею в виду Тиарну.

— А... О! — выдал непонятный набор звуков Фауст.

Неужто я умудрилась поставить его в тупик?

— А разве я не говорил? — кажется, искренне удивился блондин.

— О чем?!

— Ну... Что мы с Тиа больше... не жених и невеста...

— В смысле? — Глупый вопрос, но как-то мне с трудом верилось в сказанное.

— В прямом смысле. Мы разорвали помолвку, — еще раз подтвердил Фауст, и в его голосе слышалась горечь и какое-то... сожаление?

А я вдруг поняла, что с трудом стою на ногах.

Оперлась одной рукой о трюмо, вторую же поднесла к голове и потерла пальцами лоб. Вот уж и правда шокирующая новость.

— Ты чего? Все в порядке? — обеспокоился феникс и сделал порывистый шаг ко мне.

— Ага, в полном! — бодренько ответила я и как-то загробно добавила: — Я, пожалуй, присяду. — И шатающейся походочкой двинулась к кровати.

Нет, никаких нервов с этим фениксом не напасешься.

Фауст тут же оказался рядом, поддержал под локоть и усадил на кровать. Ту самую. Огромную, круглую. С изголовьем в виде сердца.

Лучше б он меня на нее уложил. Сразу. Эффективнее бы было... Ну, в смысле, в чувство я бы пришла быстрее. И не забивала бы голову всякими глупостями.

А так глупости так и лезли. Одна за другой. Одна за другой.

И, по-хорошему, мне бы сейчас радоваться. Повиснуть у него на шее. Зацеловать до смерти. Но та нотка сожаления, проскользнувшая в голосе феникса, все не давала покоя.

А вдруг это Тиа его бросила, и Фауст теперь расстроен? Вдруг это я виновата?

Он же объяснял. Рассказывал, почему так важен этот брак. А теперь помолвка расторгнута.

Блин, и почему я чувствую себя виноватой?

— Лююб, — все еще сидя передо мной на коленях и сжимая ладони в руках, протянул Фауст. — Ты чего? Ты расстроилась, что ли? Ты ж сама говорила, что Тиа мне не пара. Разве нет?

— Ну говорила. Только... — Я замялась, не зная, стоит ли спрашивать, но все же решилась: — Просто мне показалось, ты расстроен.

— Да нет. С чего ты взяла? — попытался отмахнуться Фауст и резко поднялся, выпуская мои руки. А потом подумал и сел рядом со мной на постель.

— Так что случилось? Я надеюсь, это не из-за меня? — спросила я, хотя хотелось верить в обратное.

Очень хотелось, чтобы это было из-за меня. Ради меня. Чтобы быть со мной. Но нет...

— Нет, не волнуйся. Просто эта су... зараза не уважает мою семью и мои решения. — В голосе блондина прорезались жесткие металлические нотки, а оговорочка дала ясно понять, как он относится к уже бывшей невесте. — В последний наш разговор она практически поставила меня перед выбором — или она, или брат! Ну и, разумеется, я выбрал...

— Брата... — закончила за него.

— Вот су... зараза белобрысая! — не сдержался гремлин, что все это время, оперевшись плечом о стену, следил за нашим разговором. — Что, прям так и сказала?

— Ну, не прям так. Но по факту она запретила мне выезжать из замка. А это равносильно тому, чтобы отказаться от брата... Так что... Пришлось ее послать. Со всей ее семейкой, договором и помолвкой.

Вот, значит, как. Попыталась подрезать крылышки нашему фениксу. А ему это не понравилось. Да еще и братские чувства задела.

— И правильно сделал, — поддержал друга рыжик. — А я сразу говорил, тебе эта фифа с четвертым размером весь мозг вынесет, коли что не по ее будет.

— Если б все было так просто. — Фауст поднялся одним плавным текучим движением и запустил руку в волосы. Взад-вперед прошелся по комнате. — Мы были помолвлены почти два года, и наши семьи уже успели начать совместные раскопки. Теперь же, по договору, все эти разработки перейдут к роду де Виньяж. А туда, помимо средств, еще и уйма сил была угрохана. Отец лично несколько раз выезжал к шахтам. Планы составлял, следил за работами. Качество жилы оценивал. Да и я бывал. — Фауст махнул рукой. — Все коту под хвост. А еще с матерью поссорился...

— Почему? — искренне удивилась я.

— Так они вроде как подругами были. А тут такая неожиданность. Матушка

расстроилась сильно.

Н-да. Ну и матушка. Для нее что, фальшивая женская дружба важнее счастья сына? Да не может быть такого!

— А ты ей рассказал? Что она того... и по мальчикам, и по девочкам.

Гремлин присвистнул.

— Ого!

Блондин кивнул.

— Лично застукал. И да, матери пришлось рассказать. Но от этого только хуже стало. Обиделась, что я раньше ей ничего не говорил. Что скрывал. Я ж как лучше хотел, чтобы не волновалась. Да и понимал, что этот брак нам нужен. А получилось, что отдалился и, по ее словам, родной матери не доверяю. На отца тоже взъелась.

— Так ты из-за мамы расстроен? — подала голосок я, а внутри распускалась робкая надежда, что это единственная причина плохого настроения феникса.

— Ну разумеется! — как-то чересчур эмоционально отреагировал мужчина. — Не из-за этой же стервы мне расстраиваться.

Кажется, я начала глупо улыбаться. И внутри так хорошо стало, так тепло. И сомнения все исчезли. И понимание пришло, что теперь между нами еще на одну преграду меньше, чем раньше. Ненаглядный-то мой теперь свободен. Вот совсем. Брат, что ль, пока тепленький?

Эх... были б мы сейчас наедине...

— Ладно. Не расстраивайся, — попытался поддержать приятеля гремлин. — С матушкой помиритесь. Никуда не денется. А богатство — это все наживное. Счастья на него не купишь. Да и вообще, кому оно нужно?

— Ага, не нужно, вот совсем, — язвительно отозвался Фауст. Кажется, к нему возвращалось прежнее язвительно-шутливое настроение. — То-то вся ваша братия так дорого берет за свои услуги. Сам-то за бесплатно поработать на кого-нибудь не хочешь?

— Ну... На тебя, может, и поработал бы. Бесплатно. Годик. А потееееее, — лукаво сощурив зеленющие глаза, продолжил рыжий, — когда ты прочувствуешь всю прелесть нашего сотрудничества и жизни своей не будешь мыслить без меня, такого шустрого, умного, ответственного и вообще со всех сторон профессионального, я на последующие годы тебе тройную цену заломлю! Чтоб жизнь медом не казалась.

— Да, всегда поражался твоей самооценке, — усмехнулся блондин, кажется, окончательно переключившись на другую тему. — Ты в этом году-то наниматься планируешь?

— У тебя самого самооценка не ниже, — ответил ему тем же приятель. И я с этим была готова полностью согласиться. — И, да, я как раз закончил обучение и буду наниматься. А что, ты уже горишь желанием заключить контракт? — весело подмигнул этот прохвост.

А я вдруг представила, что будет, если Фауст наймет этого остроухого и дальнейший путь мы продолжим уже в его компании. Это ж перепалки не только у нас с Фаустом будут, но еще и с гремлином. Этот-то точно за словом в карман не полезет. Эх, мало мне Стаськи было...

— Весь в нетерпении, — в таком же тоне, смеясь и передразнивая, ответил гостю феникс.

— Ладно, ты сначала испытание умудрись пройти. А потом уже будем разговаривать.

Ууу, вот это он зря усомнился в способностях пернатого. Тот ведь, как петух, сломя

голову понесется доказывать свою... кхм... состоятельность.

— Я пройду, не сомневайся, — со всей серьезностью заявил блондин. Вот ведь самоуверенный баран! — И еще подумаю, стоит ли тебя на службу брать, — беззлобно поддел приятеля Фауст.

Тот, к слову, ни капли не обиделся. Видимо, взаимные подначки у приятелей были нормой. В общем, мальчики восполнили дефицит общения и вновь вспомнили про меня. Точнее, гремлины вспомнили, что мы до сих пор друг другу не представлены.

— Кстати, ты нас не познакомишь? А то я торчу здесь уже уйму времени, а до сих пор не знаю имени твоей прекрасной спутницы.

— А сам что, представиться не можешь? Вроде не маленький, — хмыкнул Фауст, а я была до глубины души поражена его манерами. Нет, ну нормальный вообще? А еще что-то мне предъявлял насчет воспитания.

Короче, блондин погрузился в изучение содержимого своей сумки. Точнее, поиску чего-то в оной, его же рыжий приятель галантно поклонился и произнес:

— Позвольте представиться Дорвигус Сиятельный. — И протянул руку в желании завладеть моей ладонью.

Я не сдержалась и прыснула в кулачок.

— А Сиятельный — это фамилия или... самоощущение?

— Эммм, — задумчиво пожевал губу Дорвигус. — Скорее второе. В общем, для друзей и друзей моих друзей просто Дор.

— Люба, — представилась я и все же протянула ему ладонь. Гремлины тут же сжали мои пальчики и приложился губами к выступающим костяшкам. Надолго так приложился. Пришлось даже немного потянуть руку на себя, чтобы этот шутник-прилипала отстал.

— Дор, — спокойно произнес Фауст, который по-прежнему копался в сумке и даже головы к нам не повернул. — Ручки не распускай. И губки тоже. А то я тебе их быстро бантиком завяжу.

Ничего себе... А пернатый-то ревнует.

— Ну вот, — обиделся рыжик. — Почему, стоит мне запасть на симпатичную девчонку, как она оказывается занята?

— А ты западай на свободных, — посоветовал ему блондин и, наконец выудив из недр поклажи какую-то коробочку, направился к гремлину.

— Вот, держи. Тебе дядя передать просил. — Фауст вручил приятелю находку, а я вновь почувствовала, что чего-то не знаю.

— Дядя?

— Да, Дор — племянник Тревура. — О, так вот оно что! А похожи... Хотя гремлины все в какой-то мере похожи. — Собственно, он какое-то время служил в Осколке неба, практиковался, так сказать, оттуда мы и знаем друг друга.

— Кстати, а чего дядя сам мне посылочку не передал? Мог бы и заглянуть.

— Занят он. У нас в гнезде гости. Важные. И крайне нежеланные, — сдвинув брови, сообщил Фауст.

— Что, опять куда-то влип?

— Ну... Скорее, это она влипла, — кивнул в мою сторону феникс. — А я за компанию.

— Ууу, так ты у нас на сей раз доблестный рыцарь, радеющий за честь прекрасной дамы? — Дора вновь пробрало на пошутить. — А в былые времена ты, помнится, и думать не желал о...

Закончить гремлин не успел. Хотя окончание фразы мне бы очень хотелось услышать.

Но нам всем резко стало не до окончания, так как случилось Нечто. И это «нечто» было вновь в исполнении моей сестры.

С громким стуком распахнулась дверь ванной — это она с размаха долбанулась о стену — и в комнате нарисовалась Стаська. Босая, с мокрыми волосами, в одном банном полотенце, обернутом вокруг тела.

— Ванна свободна! Кто следующий? — радостно возвестила мелкая и только потом догадалась окинуть взором присутствующих.

— О-па-на! — изрек Дор, круглыми глазами глядя на эту недоросшую русалку.

— Аааа, — завизжала Стаська, увидев рыжего, и сиганула обратно в ванную. — Вы что, сказать не могли, что тут посторонние? — раздалось уже из-за двери. Причем весьма гневное.

Но это меня как раз не удивило. Удивило другое: почему это моя младшенькая стесняется гремлина и ни фига не стесняется Фауста? Как так? Или настолько верит в его порядочность, что считает, будто он сам отвернется? Нет, она, конечно, еще маленькая, но ведь уже совсем не маленькая. Тьфу ты! В смысле, она еще не взрослая, но уже и не маленькая, чтобы, словно годовалый малыш, голышом тут разгуливать.

— Да тут все свои, выходи! — крикнул ей в ответ Дор. А лицо у него было такое довольное-предовольное. Радостное-прерадостное. Скалился так, что, казалось, сейчас челюсть сведет.

Вот же ж... Даже не знаю, каким словом обозвать.

— Ладно, идем. — Фауст все же оказался на редкость порядочным. Феникс положил руку на плечо друга и развернул того к выходу. Рыжий заупрямился.

— погоди. Куда? Я ж еще со второй не познакомился.

— Успеешь еще. — Блондин подтолкнул гремлина в спину, придавая тому ускорения. — А вы тут переодевайтесь пока и через час спускайтесь вниз. Только не опаздывайте, а то Лавка Чудес закроется.

— А мы в Лавку Чудес пойдем? — мгновенно загоревшись идеей, неверяще глянула я на Фауста.

— Пойдем, пойдем. Если вы задерживать не будете, — усмехнулся феникс и, наконец вытолкнув чересчур любознательного товарища из номера, скрылся в коридоре.

Глава 6

Лавка Чудес

Собрались мы со Стаськой просто в рекордные сроки. И помылись, и посушились, и приоделись, и даже надухарились. На все про все ушло минут сорок, не больше. Да, вот что делает с женщинами вожделенное слово «шопинг».

Фауст ждал нас в трактире, что расположился как раз на первом этаже постоянного двора. Рыжий греmlin обнаружился там же. Парни что-то бурно обсуждали, смеялись. И к нашему приходу оказались явно не готовы.

— Так быстро? — ошарашенно спросил Фауст и с ног до головы окинул нас с сестричкой внимательным взглядом. Будто проверял, не забыли ли мы чего надеть.

— Так ты ж им Лавку Чудес пообещал, — хмыкнул Дор. — Девчонки, они все такие. Стоит только поманить походом за покупками, как сразу пререзается небывалая пунктуальность.

Мы со Стаськой синхронно вздернули носы и сделали вид, что это не про нас. Хотя каких-то пять минут назад я думала почти о том же.

Короче, приятели были вынуждены прервать свои посиделки и, так сказать, сопроводить нас на обещанную прогулку.

— А он что, с нами пойдет? — возмутилась сестричка, косо глянув на увязавшегося за нашей компанией греmlина.

— Ну да, — не понял, в чем проблема, феникс.

— Зачем? — строго спросила Стаська, исподлобья глядя на блондина. О, сейчас и ему попадет. За компанию.

— Тебе назло, малявка, — усмехнулся Дор и щелкнул девчонку по носу.

Та не растерялась и бросилась на обидчика с кулаками. Фауст тут же подоспел на помощь товарищу. Вмиг оказался за Стаськиной спиной, перехватил ее поперек тела и приподнял над землей. Теперь мелкая не только злобно махала руками, пытаясь расцарапать наглую физиономию радужно скалящегося греmlина, но и перебирала ногами, стараясь достать того острым носом туфельки.

А до меня вдруг дошло... Он ей нравится!

Что делают нормальные девочки, когда им нравится мальчик? Ну, глазки там строят, жеманно плечиками пожимают, хихикают в кулачок. Записочками всякими перекидываются или портфель понести просят. Стаська же этим портфелем сразу бьет по башке!

Вот и сейчас ни с того ни с сего лезет в драку. Ох, не к добру это...

— Ууу, какая дикая малявка, — восторженно протянул Дор. Он стоял прямо напротив яростно дергающейся сестрички, самодовольно скрестив руки на груди и не думая сделать хоть шаг назад.

— Малявка, значит? Как на меня голую пялиться, так не малявка, а теперь малявка?

Точно нравится! Это капец!

Захотелось тяжело застонать и стукнуться обо что-то головой. Мало нам было проблем, теперь еще и это. Стаськина влюбленность — это всегда испытание для нервов. Причем исключительно для моих.

— Да там не разглядеть ничего было! — возмутился рыжий. Причем сделал это так

натурально, будто его лишили зрелища, за которое он честно заплатил. — Разве что полотенце. Ты в следующий раз без него выходи. Тогда я смогу дать детальную оценку твоей внешности.

— Дор! — не выдержала я. Да что он несет, вообще? — Она же маленькая!

— Я не маленькая, — тут же запротестовала сестричка и вновь начала яростно дергаться в руках Фауста.

— Зато буйная! — вставил рыжий наглец.

— Так, успокоились, оба! — гаркнул Фауст. Его нервы не выдержали первыми. — Или отправитесь по домам! И ни в какую лавку мы сегодня не пойдем.

Угроза подействовала моментально. По крайней мере, на Стаську. Она тут же затихла и перестала брыкаться. И даже на гремлина не бросилась, когда вновь оказалась на земле. Лишь оправила смятое платье и пригладила волосы. Но стоило Фаусту отвернуться, тут же скорчила вредную рожу и показала рыжему язык. Н-да, а еще утверждает, что не маленькая.

В довершение всю дорогу до лавки эти двое всячески подкалывали и обзывали друг друга, а Стаська еще и спела песенку «Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой».

Вот только Дор ничуть на это не обиделся. Напротив, восхитился иномирным фольклором и просил записать для него эти чудные стихи. Сказал, что они отлично подойдут для гимна Гремвиля.

В общем, дурдом на выезде. И если раньше мозг мне выносил только феникс, то теперь нам с фениксом выносили мозг эти двое.

Концерт закончился, лишь когда мы оказались в лавке. Но не потому, что у некоторых закончился запас оскорблений или упреков, просто стоило туда зайти, как все мысли разом исчезли из головы и осталась лишь одна: «Хочу!»

Это был чистый восторг. Все вокруг было такое яркое, блестящее, искрящееся, что хотелось потрогать и пощупать все разом. Я словно в магазине сладостей очутилась, где все такое вкусное, такое соблазнительное, что не знаешь, с чего начать, и хочется попробовать и того, и этого, и вон еще того.

Короче, глаза разбегались. Причем не только в переносном смысле. Несколько... эммм... глазок, как раз проскакало мимо нас по полу. Одна пара задержалась, обвела нашу компанию заинтересованным взглядом и побежала догонять собратьев.

Стаська первая отошла от шока и с радостным воплем бросилась в глубь магазинчика.

— Точно что-нибудь сломает, — хмыкнул глядящий ей вслед Дор.

Я же почувствовала, как кто-то легонько подтолкнул меня в спину и шепнул на ухо:

— Ну иди, чего застыла.

— Ага, — ответила Фаусту и уже сделала шаг вперед, как вспомнила о кое-чем важном.

Грех было не воспользоваться моментом, тем более что Стаська очень удачно скрылась в недрах лавки. Да и покупки подождут. Никуда они от меня не денутся.

В общем, пересилила соблазн вслед за сестренкой рвануть к стеллажам и решительно двинулась с гремлину. Схватила того за шиворот и прижала к первой попавшейся стенке. Благо рыжий в человеческом виде был не особо крупный. Да и я не слабачка. С колечком-то.

— Оу, ну и силища, — тут же прокомментировал мою выходку рыжий задавака и обратился к приятелю: — И как ты с ней только справляешься?

Феникс на сей раз поступил умно и вопрос проигнорировал. Гремлина же было не избежать моего гнева.

— Так, ты, педофил новоявленный, даже смотреть на мою сестрѐнку не смей, понял? —

начала я угрожающе.

— Понял, — покорно кивнул парень. — А щупать можно?

Нет, ну он издевается!

— А щупать тем более нельзя! И вообще, увижу тебя ближе чем на расстоянии трех метров от нее, я тебя того... это... хотелку оторву, понял?

Не знаю, возможно, я была чересчур резка. Но даже столь жесткая угроза рыжего наглеца не проняла. А вот Фауст за моей спиной как-то подозрительно закашлялся.

— А я что? Я ничего. — Дор поднял ладони и невинно захлопал длинными рыжими ресницами.

А я отчего-то еще больше завелась. Вот ненавижу наглецов! И шутников тоже.

— Люб, да ладно тебе. Ну чего ты кипятишься? — Фауст встал позади и мягко приобнял за плечи. Притянул к себе, заставляя отпустить рыжего.

— С того, что она моя сестра. И она еще маленькая!

— Ну так это временно, — с широкой ухмылкой сообщил Дор. — Скоро вырастет. И я не педофил, если тебя это беспокоит. А сестричка у тебя смешная. Так забавно бесится. Ты, кстати, тоже.

— Так они ж сестры, — неожиданно поддержал приятеля Фауст.

Вот гад! О гремLINE я тотчас забыла и мигом переключилась на противного феникса. Развернулась в кольцо его рук и уставилась прямо в смеющиеся синие глаза.

— Чего? — накинулась я на обидчика и легонько стукнула его кулачком в грудь. Ну, чисто показать свое отношение к таким заявлениям.

— Ну... вы тут разбирайтесь. А я пойду... Стасю поищу. — Воспользовавшись ситуацией, гремлин мигом смылся.

— Люб, ну ты и правда завелась на пустом месте. Ничего он твоей сестре не сделает.

— Ага, это ты так думаешь.

— Я не думаю, я знаю. Мы с Дором уже года три знакомы. Он просто проказливый подросток.

Подросток?! Что-то мне так не показалось.

— А сколько ему? — задалась вопросом, уже не считая их со Стаськой такой уж плохой парой. Хотя о чем это я? Какая, к черту, пара? Они только познакомились. И вообще, завтра мы, скорее всего, покинем Гремвиль. Так что все само собой рассосется.

— Ему еще и семнадцати нет.

— А выглядит старше.

— Он просто... Немного корректирует внешность, — изрядно понизив голос, произнес феникс. — Хочет казаться старше.

— Ууу, а так можно?

— Ну, есть всякие занятные вещицы. Для наложения иллюзий, к примеру. Кстати, в этой лавке тоже продаются.

Стало интересно. Прямо очень-очень интересно.

— Так что Дор, по сути, мальчишка, — улыбнулся блондин и, склонившись к моему уху, доверительно прошептал: — Он еще хотелкой пользоваться не научился.

Вот теперь мне полегчало. И за сестру стало намного спокойнее. А еще захотелось так это язвительно поинтересоваться: «А ты, значит, научился?»

Но, слава богу, я сдержалась. А то неизвестно, во что перерос бы этот разговор. Хотя нет, известно — в очередную попытку блондина доказать свою состоятельность. Что сейчас

было совершенно не ко времени и уж тем более не к месту. Ох, чувствует моя пятая точка, рано или поздно он ее все-таки докажет. Главное, чтобы не прилюдно. А остальное эта самая пятая точка стерпит. И, возможно, даже еще и удовлетворена останется.

Собственные мысли вызвали ехидный смешок. Фауст, посмотрев на меня, понятиливо хмыкнул. Видимо, он подумал, что смешок относится к последней его фразе насчет Дора. Ну и славно, нечего блондину знать, что за вредные мыслишки бродят в моей дурной влюбленной головешке. Я сама от них в шоке.

Как оказалось, это был не последний шок на сегодня. Точнее, по сравнению с тем, что мне предстояло узреть в Лавке Чудес, это был вообще не шок. А настоящий шок начался чуть позже.

Сначала из глубины магазинчика раздался залиvistый девичий хохот. По одному только этому хохоту я поняла, что у Стаськи случилась истерика. Следом за девичьим последовал уже мужской смех. Это, видимо, Дор присоединился. Причем ржал он так, что казалось, еще чуть-чуть — и живот у рыжего точно лопнет.

Мы с Фаустом сразу же рванули на место коллективной истерики и застали там... русалку! Точнее, Стаську с русалочьим хвостом и зелеными-зелеными волосами до попы.

— Как я тебе? — поинтересовалась сестричка, состроив кокетливый взгляд и томно прогнувшись в поясице.

Вот тебе и тринадцать лет. Да, кстати, кроме чешуйчатого рыбьего хвоста на сестричке ничего не было. Хорошо хоть, зеленые волосы оказались длинными и густыми и прикрывали остальные участки обнаженного тела.

— Н-да... — протянул Фауст, глядя на эту «соблазнительно» развалившуюся в кресле русалку, а сбоку вдруг кто-то хрюкнул.

Мы синхронно повернули головы и узрели свиное рыло. Красовалось это самое рыло как раз там, где надо — на лице Дора. Тот довольно улыбнулся и повернулся к нам задом, продемонстрировав еще и замечательный крючковатый пороссячий хвостик.

На этом моя психика сдала, и у меня тоже случилась истерика.

А Стаська вдруг вскочила с кресла и прямо на рыбьем хвосте, активно перебирая двумя плавниками, прошлепала к одному из прилавков и схватила оттуда первое попавшееся колечко.

— Любка, это чума. На, примерь!

От ее походочки я была в состоянии совершеннейшего нестояния, а потому, не задумываясь, приняла колечко с прозрачным кристаллом по центру и примерила на указательный пальчик.

В общем-то, ничего не произошло. В том смысле, что я ничего не почувствовала. Но сестрица вдруг прыснула и зажала рот ладошкой, а потом и вовсе покраснела как вареный рак.

Перевела взгляд на блондина. Тот, выгнув светлую бровь, с интересом меня разглядывал. Не смеялся, нет. Именно разглядывал. Взгляд скользил вверх-вниз, вниз-вверх. Ну и я вслед за Фаустом тоже глянула вниз.

Твою ж... маковку! Зарекалась ведь никогда больше не примерять подозрительных колец. И какой черт меня дернул?

Если вкратце, я оказалась голой! Вот совсем. В чем мать родила, так сказать. Только тело было явно не мое. Грудь посолиднее, попа пообъемнее. Но все равно, менее стыдно от этого не становилось, а потому я, как последняя дура, стала прикрываться руками. Ну,

инстинкт сработал.

И вот я вся такая стараюсь прикрыться, а эти двое — да, рыжий греmlin тоже был не прочь полюбоваться на женские прелести — стоят и лыбятся. И у обоих рот до ушей!

— Это не мое тело! — крикнула в оправдание я и стала искать взглядом, во что бы завернуться.

Видимо, лицо у меня в этот момент было уж очень потерянное, потому как Фауст все же решил прийти на помощь.

— Люб, кольцо сними. Кстати, это именно те вещицы, о которых я рассказывал.

— Мог бы и сразу подсказать!

С ненавистью стащила с пальца безделушку и чуть не зашвырнула ее подальше. Но вовремя спохватилась. Они, значит, меня разглядывали. А я чем хуже?

— Теперь твоя очередь! — Подкинула колечко в воздух, и феникс без труда его поймал. — Надевай давай. Теперь я люблююсь.

— Так ты ж меня голым уже видела. Еще хочется? — лукаво улыбнулся блондин, ловко перекатывая колечко между пальцев. Будто раздумывая, примерять или не примерять.

Я не отступала. Упрямо скрестила руки на груди и выжидающе уставилась на Фауста.

— Нет, ну если хочется — ты только попроси. Я для тебя и так разденусь. Просто мое собственное тело много привлекательнее того, что предложит кристалл. Напугаешься еще...

Ууу, кажется, кое-кто возомнил себя Аполлоном. Да, с самооценкой у феникса точно нет проблем.

Хотя не спорю, вид сзади у блондина шикарный. Да и спереди не хуже. По крайней мере то, что я видела. Помнится, у меня от одного обнаженного торса в прошлый раз чуть дар речи не отнялся.

Так что лучше сейчас не рисковать. Да и Стасе рано пока самообразовываться.

— Ладно. Хватай другое, — предложила фениксу альтернативу.

— Нет уж, увольте. С этими кристаллами всегда жди подвоха.

Кажется, кое-кто собрался соскочить. Ну уж нет. Так просто я от него не отвяжусь.

— Давай, блондинчик, не тушуйся, — поддержала меня сестричка.

— Струсил? — подначила я.

Фауст нахмурился, губы поджал. Потом резко шагнул к прилавку и схватил первое попавшееся колечко с кристаллом. Надел на палец, и... мы трое дружно покатались со смеху.

Нет, все-таки какие занятные вещицы — эти колечки с кристаллами. И точно, что не знаешь, хвост у тебя вырастет или четыре глаза. У Фауста вот выросли рога. Здоровенные такие, лосиные. Казалось, что шея вот-вот переломится под их тяжестью. А еще почему-то подумалось, что на эти рога можно в Новый год навешать елочных игрушек и мишуры с дождиком заодно. Красиво бы вышло. Жаль только, что иллюзия всего лишь визуальная.

— А тебе идет, — сквозь смех выдавил Дор.

— Что идет? — Фауст оглядывал себя со всех сторон, безуспешно пытаясь понять, что нас так развеселило. Сестричка поспешила ему в этом помочь и добродушно протянула круглое зеркальце на витиеватой посеребренной ручке.

Нашего веселого настроения феникс почему-то не разделил. Более того, остервенело стащил с пальца кольцо и швырнул обратно на прилавок.

— Очень смешно, — буркнул блондин и цокнул языком, выражая степень своего раздражения. Смотрите, какие мы обидчивые. А меня голую разглядывать небось весело было?

— Тебе правда шло. Зря снял, — решила еще немного поизмываться над задетым самолюбием пернатого.

А потом, набравшись смелости, примерила еще одно колечко. И еще. Почему-то теперь оказаться голой я совершенно не боялась. Это ведь всего лишь иллюзия. Смешная и забавная, и относиться к ней стоит соответствующе. Стаська, кстати, с радостью ко мне подключилась. Да и греmlin не стал стоять в сторонке.

Лишь Фауст не принимал участия и с мягкой снисходительной полуулыбкой поглядывал в нашу сторону.

А мы веселились. Смеялись над длиннющей гномьей бородой, выросшей у Стаськи, над ослиными ушами, торчавшими на голове Дора, и лисьим пушистым хвостом, что бодренько размахивал из стороны в сторону у меня за спиной. В общем, чего только к нам не цеплялось вместе с надетыми колечками. Мы их пока все не перемерили, никак успокоиться не могли.

А потом Дор неожиданно стянул кольцо со своего пальца и дал примерить Стаське. А я как-то не сразу сообразила, что, сняв его, парень стал выглядеть чуть моложе. Скруглились черты лица, пропали складочки у внешних уголков глаз, и веснушек почему-то стало больше. Короче, пока до меня дошло, что это за вещица, Стаська уже успела ее нацепить.

— Ну, и? Что-то я никаких изменений не вижу, — начала было мелкая, а потом глянула на свою грудь, изрядно прибавившую в размере, и выдала совершенно неприличный набор выражений, по всей видимости, означавших крайнюю степень восторга.

Следом сестренка рассмотрела свое лицо, неуловимо изменившееся, повзрослевшее. Сейчас она выглядела года на три, на четыре старше. И это было непривычно. Очень. Вроде и Стаська, а вроде и не она. И даже трудно сказать, нравится мне результат или нет... Зато рыжему греmlину, восхищенно глядящему на сестрицу, точно понравилось. Дор разглядывал ее с нескрываемым интересом, и даже когда я его окликнула, не сразу смог оторваться.

— Даже не думай! — предупредила парня, опасно сузив глаза. — И заberi эту штуку! Нечего тут...

Стоило представить, что сестренка может в таком виде выйти на улицу, и то, как на нее будут реагировать мужики, как сразу стало не до шуток. Она ведь маленькая, а эта иллюзия — просто обман, который однозначно не кончится ничем хорошим.

— Ну, Лу, — попробовала возмутиться сестричка и надула пухленькие губки, явно намереваясь обидеться.

— Никаких «ну»! Снимай живо! — Я в своем решении была непреклонна. — И вообще, я его временно изымаю!

Теперь возмутился уже Дор. Как же, колечко-то ведь его. Но фиг я его верну. Знаю же, что как только отвернусь, хитрая сестричка вновь попросит игрушку у греmlина. И вряд ли он ей откажет.

Короче, мы с рыжим чуть не подрались. Он не желал расставаться с кольцом, я же решительно не желала его возвращать. В итоге в наш спор влез феникс и, как ни странно, принял мою сторону.

— Так, кольцо пока побудет у меня, — тоном, не терпящим возражений, заявил блондин. — Потом сам тебе его верну. Стасе и правда рановато такие вещи примерять.

Дор посмотрел на друга как на врага народа и, демонстративно отвернувшись, прошлепал в противоположный конец помещения. Стаська показала мне язык и отправилась следом.

Все, вот теперь эти двое точно спелись. Общий враг, как говорится, объединяет.

— Фауст, неужели эти шутки у них разрешены? — недоуменно спросила я у феникса, который без тени опасения нацепил украшение на указательный палец. Ему возраста оно почему-то не прибавило. То ли потому что феникс, то ли эта занятная вещица действует только на подростков. Фаусту же взрости уже некуда.

— Скажу больше, такие шутки им жизненно необходимы. — И на мой вопросительный взгляд пояснил: — Видишь ли, гремлинам разрешено наниматься на службу с шестнадцати лет. А какой нормальный наниматель захочет взять себе подростка? Вот они и накладывают иллюзию, чтобы казаться чуть старше. Так больше шансов получить работу. К слову, Дор собирается заключить контракт в этом году, а потому...

Договаривать смысла не было, и так все понятно. И не мне судить гремлинов за их желание хорошо обустроиться в жизни, хоть я и категорически против подобного обмана. Мое дело — следить за сестренкой, которая, кажется, не на шутку обиделась.

— Ладно тебе, не переживай. Отойдет. — Фауст вдруг оказался рядом и легонько приобнял за плечи. — Пойдем лучше, покажу тебе, что здесь еще есть интересное.

Интересного было и вправду много! Я бы даже сказала, чудесного. Волшебного. Сказочного. И совершенно необъяснимого.

Сначала мы познакомились с поющими цветами. С виду обычные такие цветочки в горшочках. Расцветок самых разнообразных: желтые, рыжие, фиолетовые, в синюю крапинку и в красный горошек. Но стоило подойти ближе, как цветы начинали петь. Лавка наполнилась дивными тонкими голосами, сродни чему-то внеземному. При этом растения медленно раскачивали яркими венчиками и поводили по воздуху зелеными листиками.

Потом были живые статуэтки, выполненные из тончайшей серебряной проволоки. Изображали они самых разнообразных животных. Реальных и мифических. Гривастый лев с разинутой в свирепом оскале пастью. Длинноногий журавль, склонивший голову к земле. Хищный дракон, распахнувший огромные ажурные крылья. Полупрозрачные стрекозы с выпуклыми фасеточными глазами. Поджарый олень с ветвистыми рогами. И еще много-много всего. Фауст прикоснулся к львиному боку, провел пальцами по холодному металлу проволоки, и в звериной груди вспыхнул маленький желтый огонек. Сам же лев переступил с ноги на ногу, мотнул хвостом с кисточкой и неторопливо пошел вдоль прилавка. Грациозно, степенно, полный собственного достоинства и величия. Надо же, хоть и игрушечный, а характер-то показывает.

Я пробежалась глазами по статуэткам, выбирая, кого бы мне «оживить». Взгляд наткнулся на красивую серебристую птицу, очень похожую на феникса. Легонько коснулась стального крыла, и в груди феникса мягко замерцала голубая искра. Птичка повела головой, нахохлилась, а потом, с силой оттолкнувшись от стеллажа, воспарила в воздух. И кружила, кружила над нашими головами, выписывая в воздухе сложные пируэты.

Интересно, а Фауст так умеет?

Глянула на блондина и поймала его задумчивый взгляд, скользящий по моему лицу.

— Что?

— Ничего. — Фауст мотнул головой и спросил: — Нравится?

— Ага! Можно... — Договорить мне не дали.

— Можно. Я попрошу, чтоб запаковали.

Мужчина вытянул руку и подставил птичке ладонь, на которую та послушно опустилась. Еще раз провел пальцами по крылу, и та замерла, вновь превратившись в обыкновенную статуэтку. А у меня внутри было радостно-прерадостно, оттого что эта вещица теперь моя. И

что я могу оживить ее в любой момент. И что теперь о моем стальном фениксе будет напоминать не только спрятанное под корсажем перо.

Моем... Ох, ну какой же он мой?

Ладно, прочь грустные мысли. В таком месте просто запрещено поддаваться унынию. Ведь мы столько всего еще не посмотрели!

В общем, оставшееся до закрытия лавки время мы скакали меж прилавков и стеллажей, стараясь рассмотреть, а иногда и пощупать как можно больше диковинок.

Тут были и заводные куклы, и живые бабочки в футлярах. Невидимые ленты для волос и фигурные мушки, что сами прилипают к коже. Причудливые лампы с разноцветными стеклышками и цилиндрические подсвечники с прорезанными в них отверстиями в форме звездочек, сердечек, птичек и зверушек. Если зажечь внутри свечку, то на стене проступают пятна света соответствующей формы. Красиво. И романтично.

Кстати, насчет игры света. Хозяин лавки продемонстрировал нам новинку — ламповый проектор и набор диафильмов на тонкой полупрозрачной пленке. А я сразу вспомнила детство. Помнится, у нас дома было нечто подобное. Только вместо изображений архитектуры и пейзажей на наших диафильмах были советские мультики. Как же давно это было...

Когда мы вышли из Лавки Чудес, на город уже опустилась тьма. Повсюду горели огоньки уличных фонарей. Светились теплым светом окна домов. И прохожих на улицу высыпало видимо-невидимо. Все в ярких одеждах. Радостные и улыбчивые.

— Праздник середины лета, — пояснил Фауст, поймав мой недоуменный взгляд. — Ночью будут представления и фейерверк.

— Класс! А мы пойдем смотреть? — спросила Стаська, перехватывая из руки в руку пакет с покупками.

В отличие от меня сестричка одним сувениром не ограничилась. Кажется, она купила и куклу, и поющий цветок (это вместо почившего в поместье сیدا будильника), и набор невидимых лент для волос. Ну и, конечно же, сестренка выпросила одно из колечек с кристаллом иллюзии. Куда ж без него. Вот только какую иллюзию она выбрала, мелкая тщательно скрывала. Сказала, будет сюрприз. Ох уж эти ее сюрпризы...

Короче, пакетик у девчонки вышел увесистый, и Дор тут же подорвался помочь с тяжелой ношей. Джентльмен прям.

Дальше мы отправились ужинать. Все в тот же постоянный двор, где остановились. Заодно и теплые вещи прихватили, чтобы не замёрзнуть на ночной прогулке.

На улице вновь разбились на парочки. Стаська с Дором больше не ссорилась. Точнее, они время от времени спорили, обзывались даже. Но это ничуть не мешало им идти под ручку. А главное, они, полностью занятые друг другом, оставили в покое нас с Фаустом.

Мы же с блондином шли молча. Разве что мое восторженное «ах» или «ох» изредка нарушало воцарившуюся между нами тишину. Вокруг было столько всего интересного, захватывающего, что сил на слова попросту не осталось. Я лишь крутила головой по сторонам, самой себе напоминая любопытного ребенка.

Было такое чувство, будто я попала на карнавал. Или на ярмарку. Но не такую, как устраивают в нашем мире. Нарядную, сказочную, будто сошедшую со страниц романа прошлого века.

Мимо сновали шуты и жонглеры, циркачи и акробаты, разодетые в немыслимые маскарадные костюмы гремлины. Те, что поменьше, в пол человеческого роста и ниже, и

вовсе напоминали кукол. Тех, заводных, что мы видели сегодня в лавке.

Уличные торговцы, напротив, старались быть как можно выше. Встречались же они по пути чуть ли не чаще, чем обычные наблюдатели. Торгаши, с ног до головы обвешанные побрякушками или шелковыми платками. Лоточницы с подносами, полными сладостей. Чего у них только не было: карамельные петушки на палочках, медовые вафли, орешки и цукаты в высоких бумажных кулечках, печеные сахарные яблоки на палочках, сдобные крендельки, щедро обсыпанные сахарной пудрой, пончики в кленовом сиропе. Я даже пожалела, что так плотно поужинала, потому как хотелось попробовать буквально все. А пихать уже было попросту некуда.

Выпивка — та вообще лилась рекой. Крепкий пенистый сидр разливали прямо из бочек, стоявших на мостовой. Вкус у него был терпкий, хмельной, и голова сделалась сразу легкой-легкой. А настроение, и без того хорошее, скакнуло еще выше.

Дико хотелось слизать пенку, что осталась у Фауста над верхней губой, да только Стаська опередила.

— Хих, а у кого-то усы, — посмеялась мелкая, и феникс поспешил смахнуть остатки сидра с губ.

Сама же Стаська куснула крученный кренделек и спустя мгновение стояла с такими же усами, но уже из сахарной пудры.

— А тебе идет, — передразнил девчонку Фауст, и мелкая под наш дружный хохот стала рьяно оттирать рукавом остатки пудры. Да, на ней усы смотрелись куда комичнее, чем на мужчине.

— А куда мы, кстати, идем? — расправившись с лакомством, поинтересовалась сестра.

— К смотровой площадке. Салют, в принципе, из любой точки города видно. Но из первого ряда наблюдать всяко интереснее, — подмигнул Дор.

Так называемая смотровая площадка была расположена прямо на пологих крышах домов первого яруса. Места там было не много, и на всех бы не хватило, а потому, чтобы подняться наверх, пришлось уплатить немаленькую сумму.

Остальные же любопытные зрители, коим было не по карману подобное развлечение, толпились внизу.

Я с трудом взобралась по узкой металлической лесенке, на последних ступеньках крепко вцепившись в протянутую руку Фауста. Все же в длинном платье совершенно неудобно преодолевать подобные препятствия. Хорошо, что есть кавалер, который вовремя подхватит.

Сверху открывался удивительный вид. В кольцо домов, за широкими коваными воротами располагалась просторная площадь с крупным валуном по центру. Валун этот был блестящий, темный, почти черный, со светящимися багряными дорожками, тянувшимися от основания к вершине. В остальном площадь была совершенно пуста. Ни деревьев, ни строений. Лишь несколько гремлинов сустились внизу с коробами и снарядами для салюта.

— Что это? — Обернувшись к фениксу, я указала на наливающийся багрянцем валун.

— Это Черный Обсидиан — священный камень гремлинов. Завтра мне предстоит добраться до него.

— Добраться? — не поняла я. И чего там добираться? Площадь пустая. Топай себе да топай.

— Да, — усмехнулся мужчина. — Поверь мне, это будет крайне непросто.

— Ага, надеюсь, у тебя жизни в запасе есть, — хмыкнул рядом стоящий Дор, а мне

стало не по себе. Неужели это предприятие и впрямь настолько опасно?

Шагнула ближе к блондину, взяла его за руку и, понизив голос, просяще произнесла:

— Фауст, может, все-таки не будешь?

— Все будет хорошо. Не беспокойся, — заверил меня феникс, но мне спокойнее почему-то не стало.

Теперь сам этот обсидиан, светящийся во тьме, казался зловещим. По спине побежали противные мелкие мурашки, и на мгновение стало зябко. Но лишь на мгновение, потому что следом на плечи легли большие теплые ладони, призывая успокоиться и расслабиться.

Все будет хорошо...

Полной грудью вдохнула пряный ночной воздух, наполненный ароматами свежей выпечки, карамели, терпкого сидра и горячего глинтвейна. А еще еле уловимым ароматом цветов, что тянулся с ближайших балкончиков второго и третьего яруса строений. И запах стоящего позади мужчины гармонично вплетался в это душистое многообразие, вызывая настойчивое желание повернуться и ткнуться носом ему в шею. Теплый ночной ветерок мягко касался кожи, теребил прядки, выбившиеся из прически, и время от времени бросал в лицо длинные светлые волоски, выхваченные из хвоста феникса.

Первый залп салюта раздался неожиданно. Я ахнула и испуганно отступила назад, чтобы тотчас попасть в капкан крепких надежных рук, обхвативших талию и притянувших к груди.

Серебристые искры взметнулись в небесную высь, вспыхнули, осветив лежащую внизу площадь, и мягко осыпались, увязнув в бархате ночи. Второй залп, и брызги шампанского окропили небосвод. Разлетелись, растеклись во все стороны, бурля мелкими лопающимися пузырьками.

Вслед за ними в небе стали распускаться огненные цветы. Красные, оранжевые, малиновые. Они наливались краской и медленно затухали, увядая прямо у нас на глазах. Роняли лепестки, что осыпались на землю черным пеплом. Но грустить о них было некогда. Следующий залп породил жар-птицу, что расправила огромные узорчатые крылья и пролетела, казалось, прямо над нашими головами.

А дальше были бабочки. Тысячи крохотных лимонно-желтых мотыльков, кружащих над городом, подлетающих близко-близко. Они садились прямо на вытянутые вверх руки и гасли, лишь соприкоснувшись с кожей. Фауст поймал одного и долго держал над раскрытой ладонью, не давая потухнуть. А потом, все-таки обжегшись, резко отдернул руку и позволил мне на нее подуть.

Много всего было. И огромные шары, и разноцветные розетки, и золотой водопад, льющийся прямо с неба. Вальсирующие в воздухе фигуры и улыбка, ни на секунду не сходящая с лица. Восторженный ропот, прокатывающийся по толпе, и горячие руки под моими ладонями. Переплетенные пальцы и мужское плечо, на которое так приятно откинуть голову.

А потом вдруг стало темно. Нас окутало крошечной тьмой, и вокруг повисла вязкая тишина. Не было больше ни залпов, ни искр, трескающихся в небе, ни возбужденных голосов зрителей. Уличные фонари — и те разом погасли, не смея нарушить густой темноты. И люди замерли, замолкли, вслушиваясь в звуки ночи, — свист ветра, далекую, еле слышную трель одинокой пичуги, шелест травы и скрип проржавевших петель какой-то вывески.

И я тоже замерла и даже дышала через раз. Казалось, что звук этот чересчур громкий. А потом вдруг руки, лежавшие на моей талии, неожиданно разомкнулись, и Фауст отстранился.

Меня разом охватила паника. Страшно стало остаться в темноте без опоры. Одной. Совершенно не ориентируясь в пространстве. Я резко развернулась, ища его руками. И вздохнула с облегчением, когда мои запястья перехватили, притянули к себе. Теперь мы стояли лицом к лицу, и я могла различить, как мягко мерцают серебристые всполохи в глазах феникса. Они становились все ближе, а по щеке скользнули чуткие пальцы, остановились на подбородке, чуть приподнимая, заставляя запрокинуть голову, и его губы накрыли мои.

Легкое касание, нежное, бережное. И еще одно, и еще. Уже не просто прикосновение, но настоящий поцелуй. И я дышу через раз уже совсем по иной причине. И приподнимаюсь на мысочках, чтобы быть ближе, обхватываю руками сильную шею, притягивая к себе. Ловлю движения губ, вдыхаю такой знакомый запах. И вкус сладких печеных яблок тает на языке.

И кажется, что мы здесь совсем одни. Нет ни толпы, ни Стаськи, ни Дора. Только мы вдвоем, укрытые ночью и уютной тишиной. И каждое прикосновение в темноте ощущается острее. Подушечки пальцев вдруг становятся глазами и без зазрений совести «рассматривают» широкие плечи, спину, тяжело вздымающуюся грудь. И огорчаются, что на мужчине слишком много одежды, но даже сквозь нее ощущается исходящий от тела жар.

Или это уже мой собственный жар? Не разобрать.

Спустя несколько долгих-долгих мгновений Фауст отрывается от губ и, склонившись к самому уху, жарко шепчет:

— Что ж ты со мной делаешь...

Я не знаю, что ему на это ответить. Наверное, то же самое, что и он со мной?

Потому я лишь крепче обнимаю, прижимаюсь к нему всем телом, не желая расставаться, не желая терять своей такой надежной опоры.

А потом резко включается свет. Слепит. Заставляет отпрянуть и прикрыть ладонью глаза. И звуки возвращаются. Недовольно ворчат ослеплённые зрители.

Снова звучат залпы. Но уже не фейерверка. Пробки вылетают из бутылок шампанского. И все кричат, поздравляют друг друга с переломным днем лета.

Глава 7

Бурная ночь

Обратной дорогой мы шли медленно. Спешить было некуда, и можно было позволить себе насладиться прогулкой. Народу на улице заметно убавилось. Веселье плавно переместилось в таверны и постоялые дворы, из приоткрытых окон которых выбивался яркий свет и доносилось веселое песнопение. Причем, судя по неслаженным голосам, местные песняры успели изрядно надраться.

На сей раз Стаська с Дором шли впереди. Мы же с Фаустом тихонько плелись сзади, и не думая их догонять. А за несколько метров до входа в постоялый двор феникс и вовсе сбавил шаг, позволяя нашим спутникам уйти вперед и скрыться за массивными двустворчатыми дверями.

Стоило нам только остаться наедине, как мужчина обхватил меня за талию и, приподняв над землей, потащил куда-то в сторону. Я и пикнуть не успела, как мы оказались в уютном полумраке, спрятанные от посторонних глаз в тени невысокого дома. Фауст всем телом прижал меня к стене и, не давая опомниться, впился в губы поцелуем. Поначалу таким чувственным, ласковым, томительно нежным, пробуждающим бабочек внизу живота. Но постепенно поцелуй становился все более глубоким, страстным, а мужчина, прижимавший меня к стене, — напористым.

[Купить полную версию книги](#)